ISSN 0130-2574

КОСТЁР

1

ЯНВАРЬ 1987

КОСТЁР

1
ЯНВАРЬ
1987

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1987 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Как роботы работать научились
очерк Г. Черненко — 1

Я верю...
повесть З. Хендерсон — 4

Навстречу XX съезду ВЛКСМ — 13

Барабан — 14

Из дневника ленинградского мальчика Германа Попова — 18

Мир, в котором мы живем — 20

Голубятня
рассказ Н. Соломко — 21

Где работать школьнику — 23

Кому улыбается Джоконда
рассказ Н. Федорова — 24

Стихи твоих ровесников — 27

Конкурс-игра — 28

Самый большой в мире поезд
очерк М. Буланже — 31

Из истории революции — 33

Беседы о музыке — 36

Как создавался «Гаргантюа и Пантагрюэль»
очерк Е. Перехвальской — 38

Арчебек — 40

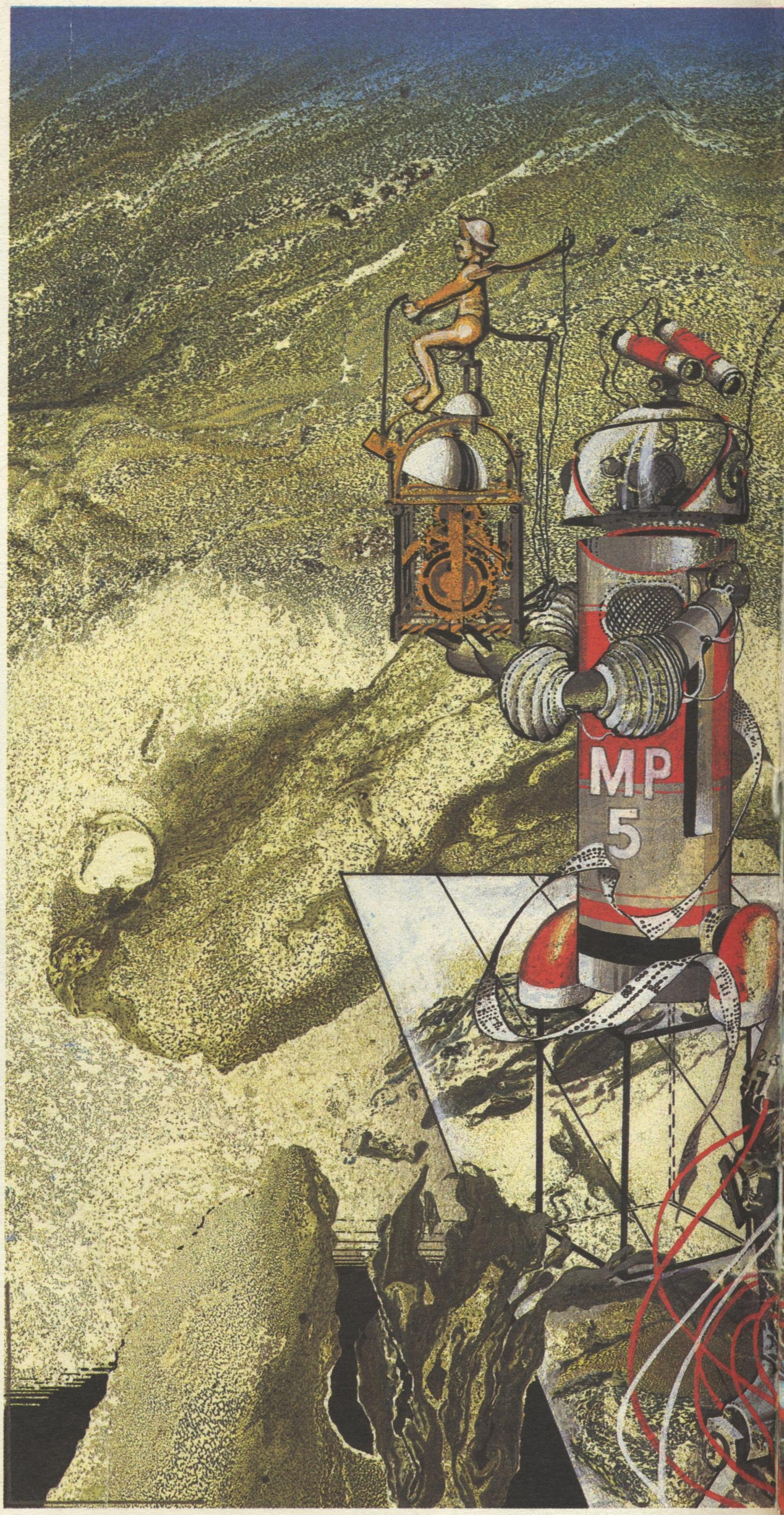
Зеленые страницы — 42

Веселый звонок — 44

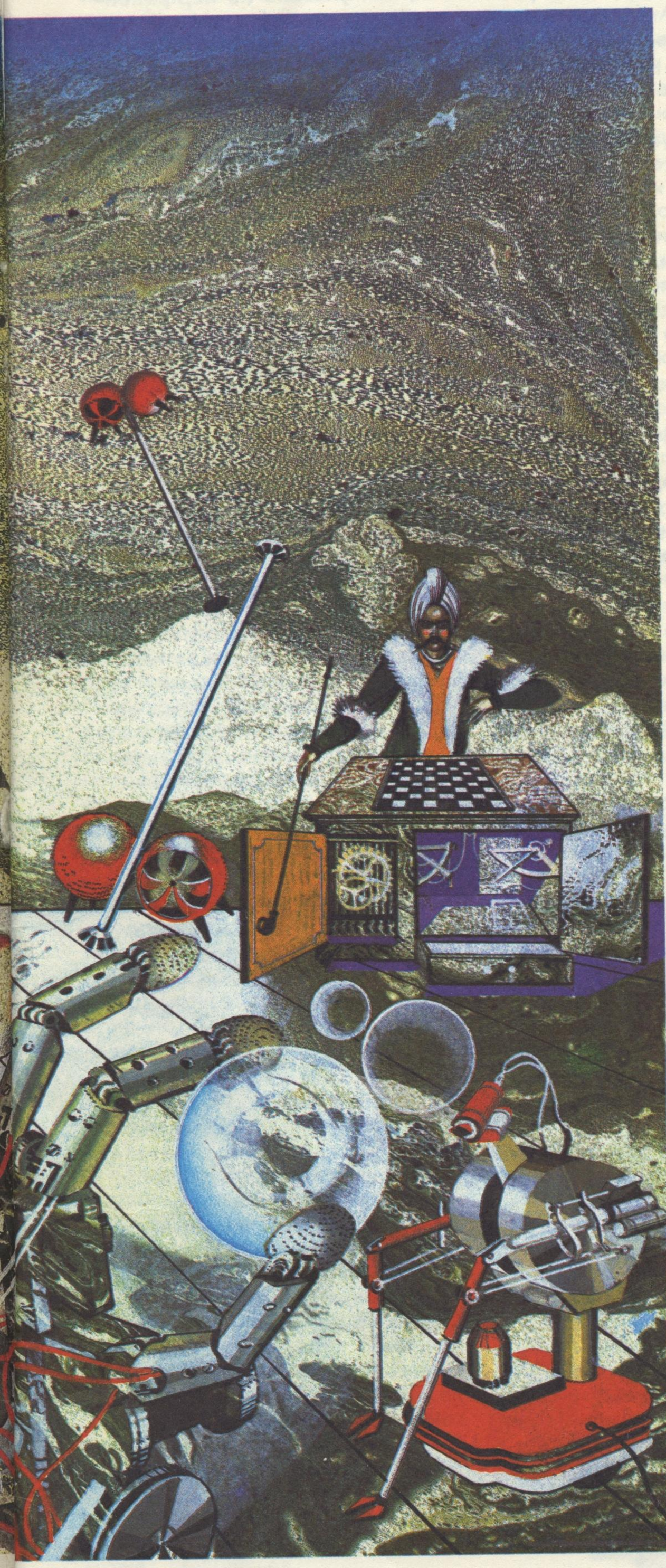
Морская газета — 46

На обложке рисунок О. Филипенко

Удивительные машины, удивительна их история.

Тебе, наш читатель, работать завтра среди них

КАК РОБОТЫ РАБОТАТЬ НАУЧИЛИСЬ

РОБОТ ИНЖЕНЕРА ГРИШИНА

Удивительный жилец поселился в квартире калужского инженера Бориса Николаевича Гришина. Робот, железный «человек».

Рабочий день робота начинается рано. Первым делом он звонит — будит своего хозяина. Затем включает магнитофон с записью утренней зарядки.

После зарядки, когда Борис Николаевич садится завтракать, робот коротко напоминает ему о всех неотложных делах.

Робот остается один. Но скучать ему некогда. Успеть бы выполнить все поручения. Надо и квартиру проветрить, и заказать билет на поезд, и ужин вовремя подогреть. Вот раздался телефонный звонок. Робот снимает трубку.

— Вас слушает электронный секретарь,— произносит он ровным, чуть глуховатым голосом.— К сожалению, Гришина нет дома. Если вам нужно что-то передать, говорите, я запишу.

Робот может «запомнить» до тридцати телефонных разговоров, а вечером доложить о них инженеру.

Он включит и настроит телевизор, если понадобится — вызовет на дом врача, а случится пожар — пожарных.

Вот какого хорошего помощника построил себе инженер Гришин — умелого и безотказного.

ПРОТОН ЭЛЕКТРОНОВИЧ

Теперь роботов строят даже школьники, юные техники. Ребята из Калининграда создали целую семью роботов. Забавно смотреть, как вышагивают «взрослые» роботы, а рядом с ними семенит робот-малыш.

На Выставке достижений народного хозяйства в Москве я видел робота, которого построили юные техники из города Каменск-Уральский. Симпатичного такого, по имени Рэм. Он работает экскурсоводом, дает пояснения посетителям выставки, показывает различные модели, сделанные руками ребят.

Голос у него — звонкий, ясный. Говорит, а сам посматривает на ту модель, о которой рассказывает. Чуть кто расшумится, он умолкает, а потом вежливо просит: «Пожалуйста, не шумите. Вы мне мешаете».

А робота Протона Электроновича создали ребята из Дворца пионеров Курска. Он — веселый. Танцует. Водит хороводы и даже подмигивает тем, кто ему особенно понравился.

РОБОТЫ ПРИХОДЯТ НА ЗАВОД

Постепенно роботам начали поручать и дела посерьезнее. Их научили работать на заводах и фабриках. Они стали отличными малярами,

электросварщиками, упаковщиками.

На любом заводе, на любой фабрике нужны грузчики, подавальщики, подносчики. Есть заводские цехи, где работа — грязная, шумная. Есть такие, где — жарко, душно, вредно для здоровья людей. Там роботы потребовались в первую очередь.

Им не страшны ни жара, ни холод, ни ядовитые испарения. Они не знают усталости. Могут трудиться по многу часов без перерыва. Выполнять самую тяжелую, самую нудную, однообразную работу. И делать ее быстро, четко, точно. Один робот может заменить собой десять, а то и двадцать рабочих.

СКОЛЬКО РОБОТАМ РУК НАДО

На людей заводские роботы нисколько не похожи. Да это и не нужно. Туловище в виде тумбы или шкафчика. На нем укреплена рука с каким-нибудь инструментом. Рука может поворачиваться, сгибаться, сжимать и разжимать пальцы — инженеры называют их «схватами».

Обычно роботу достаточно одной руки. Но бывают роботы и двурукие, трехрукие и даже четырехрукие. Все зависит от того, какую работу им приходится выполнять.

Понаблюдайте за своими руками: они — подвижные, гибкие, ловкие. Недаром говорят, что человеческая рука — чудо природы. Задумались инженеры — как сделать роботам такие руки, чтобы они годились для всякой работы? И поняли: это пока не под силу. Куда проще и легче сделать для разных роботов разные руки.

Посмотри на рисунок. Видишь, у одних — двупалая клешня, у других вместо пальцев — присоски. Есть руки, похожие на птичью лапу или клешню рака.

А что же движет руку? Чаще всего — воздух. Да, не удивляйся. Тебе, наверное, приходилось пользоваться велосипедным насосом. При движении ручки насоса из него вырывается воздух. А если в насос, наоборот, подуть? Тогда начнет двигаться ручка. Вот это и есть воздушный двигатель. Примерно такой применяется в роботах. В него подается сжатый воздух. А это — очень большая сила.

Если же надо, чтобы рука была еще сильнее, еще мощнее, вместо воздуха в двигатель ее накачивается жидкое масло. Под его напором рука и движется, куда надо. Она может поднять тяжелый груз.

Теперь все чаще и чаще для передвижения рук роботов инженеры используют электрические моторы. Мотор через зубчатые колеса, через рычаги двигает руку. Получается просто и надежно. Не надо ни сжатого воздуха, ни жидкого масла. Одно электричество.

ДЫРЧАТАЯ ПАМЯТЬ

Итак, туловище у робота есть. Рука есть. Двигатели есть. Все? Постойте, а кто же движением руки будет командовать? Как сделать, чтоб она знала, куда двигаться, где остановиться, когда включить и выключить станок?

Придумали инженеры способ управлять роботами — простой и удобный. Взяли они длинную бумажную ленту и пробили на ней маленькие кругленькие отверстия. Посмотришь на такую перфоленту — вся она усеяна отверстиями. Где больше их, где меньше. Они — команды роботу. К примеру, вот эти три отверстия означают: «Поднять руку». А эти четыре: «Опустить руку». Эти пять: «Разжать пальцы».

Ленту сворачивают в рулон и закладывают в туловище робота. Там есть сложный прибор-счетчик, который умеет подсчитывать количество отверстий на ленте и, значит, «понимать», какие команды на ней записаны. Он и управляет движением руки. Надо — руку поднимет. Надо — опустит. Влево направит или вправо повернет. Одним словом, рука будет делать все в точности так, как указано на перфоленте.

ТАМ, ГДЕ СОБИРАЮТ «ЖИГУЛИ»

Ну, а теперь давай побываем с тобой на каком-нибудь заводе. Например — на Волжском автомобильном, там, где собирают знаменитые легковые машины «Жигули».

— Вот это заводище! — удивишься ты.— Целый город.

И верно, с неделю надо ходить по его цехам, пока все обойдешь. Так их много, и такие они огромные. По некоторым впору на велосипеде ездить, а не пешком ходить.

Неудивительно, что и машин здесь делают много. Проходит всего двадцать секунд (посчитай медленно до двадцати), и рождается новенькая машина, полностью готовая — садись и поезжай! Значит, за час — около двухсот. А за рабочий день — полторы тысячи!

Изготовить легковую машину — дело непростое и нелегкое. В последние годы, правда, стало полегче: в цехах завода появились роботы.

Для того, чтобы получился кузов машины — ее железный каркас, нужно собрать и крепко соединить больше тысячи деталей! Соединять лучше и быстрее всего с помощью электросварки.

Делается это так. Железные детали плотно прижимают друг к другу, и в том месте, где они соприкасаются, пропускают электрический ток. Металл здесь так сильно нагревается, что даже плавится. Миг — и детали крепко сцепляются, сплавляются или, как еще говорят, свариваются.

По длинному цеху движется дорога-конвейер. На ней установлены кузовы «Жигулей». Они еще не собраны. Их детали лишь прижаты одна к другой. Их надо сварить.

Вдоль конвейера стоят роботы. К их рукам прикреплены сварочные клещи. Вот к одному из них подъехал кузов и остановился. Робот повернул руку,

схватился за кузов, сжал клещи, загудел.

Секунды не прошло — кузов в одном месте сварен. А робот уцепился за кузов в другом месте. И там дело сделано. Рука еще немного переместилась в сторону. И опять вспыхнул огонек. Своей длинной рукой робот может забраться в самый дальний угол кузова. Пока рука не обойдет все углы и закоулки, кузов с места не тронется.

В это время другие роботы сварили другие кузовы. Ты теперь понимаешь, почему в цехе много роботов: для того, чтобы работа шла скорее. А каждый из роботов заменяет десять рабочих.

Быстро, аккуратно работают роботы-сварщики. И что очень важно, они могут легко переучиваться. Конструкция автомобилей меняется, улучшается. Меняется и форма кузова, становится все красивее, более плавной, обтекаемой, более скоростной. Для роботов эти перемены не страшны. Они могут легко приноровиться к новому кузову. Надо только вложить в них другую перфоленту, с другими командами, и они снова готовы к работе.

Пока роботы лишь сваривают кузовы автомобилей. Колеса, мотор, руль, приборы в машине устанавливаются рабочими. Однако придет время, когда и эту работу поручат роботам, конечно, более сложным, чем нынешние.

РОБОТЫ УЧАТСЯ СМОТРЕТЬ

Кажется, что может быть проще: взять книгу и переложить ее на другое место? Для нас действительно — просто. Для робота — очень сложно.

Прежде, чем взять какую-нибудь вещь, нужно ее увидеть среди других вещей. Протянуть к ней руку. Решить, как удобнее брать.

Те роботы, которые сейчас работают на заводах, делать это не умеют. Руки их двигаются только так, как им заранее задано. Сами они ничего изменить не могут. И вот что может получиться.

Работает робот подавальщиком. Возьмет деталь. Повернется, переложит. Снова повернется, чтобы взять следующую. А она оказалась чуть сдвинутой со своего места. Ткнет робот руку туда, где должна быть деталь, а там ничего нет. Найти деталь робот не сможет.

А для нас это совсем просто. Потому, что у нас есть глаза, чувствительная кожа. У нас есть органы чувств. Значит, и роботу они нужны.

Чувствующие роботы уже созданы, но пока — опытные. Они еще проходят испытания в научных лабораториях.

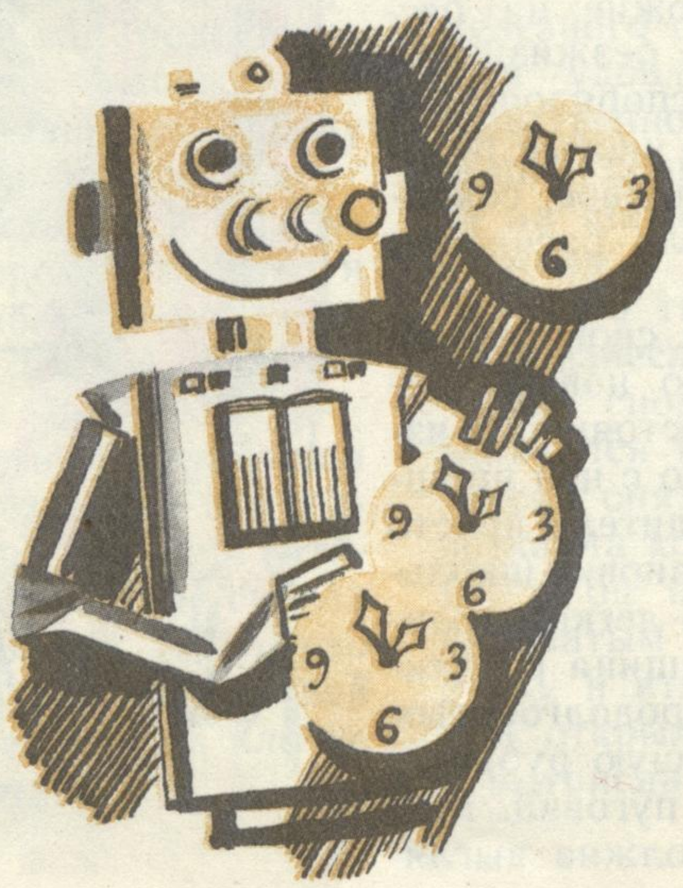
Одного такого робота я видел. Он может находить разбросанные по столу кубики и складывать их в коробку. Глазами ему служат телевизионные камеры.

Только чувствующие роботы могут работать на заводах искусными сборщиками, собирать сложные машины и приборы, делать это быстро и безошибочно.

МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ

Сейчас во всем мире более ста тысяч роботов. Только в нашей стране их около десяти тысяч!

Роботы трудятся на самых разных заводах. На часовом заводе в городе Петродворце под Ленинградом они помогают делать часы: ставят в корпус маленькие колесики, завинчивают крохотные винтики.

На московском заводе «Хромотрон» изготавливаются экраны для цветных телевизоров. Пока такой экран делается, его много раз нужно перенести, перевернуть, передвинуть. Раньше эта тяжелая работа выполнялась вручную. Теперь — с помощью роботов.

А в городе Андропове есть завод, на котором тоже работают роботы: подавальщики, переносчики, сварщики.

Чтобы жить лучше, чтобы наша страна стала еще богаче и сильнее, нам надо больше производить станков, автомобилей, тракторов, одежды, обуви, тканей. А для этого заводы и фабрики должны работать все быстрее, производительнее. Скажем, завод, который выпускал в день по тысяче автомобилей, должен выпускать их в два, в три раза больше. Число же рабочих на заводе увеличиваться не должно. Как этого добиться?

Ответ ты уже знаешь: с помощью новейших машин, в том числе, конечно, и роботов.

ДРУЗЬЯ РОБОТОВ

Хорошо работают роботы, быстро, но до тех пор, пока они «здоровы», в исправности. Роботов надо осматривать, настраивать, ремонтировать. А чем сложнее робот, тем труднее это делать, больше надо знать и уметь.

Однажды я побывал в техническом училище, где учатся будущие знатоки роботов. Обычные мальчики и девочки.

Училище — маленький завод. Гудят станки. Много разных роботов. Обслуживают свой завод сами ребята. И одновременно приучаются обращаться со сложной техникой.

Может быть, и ты, когда подрастешь, тоже захочешь конструировать роботов, управлять ими, «лечить» их. И если ты так решишь, я уверен, никогда об этом не пожалеешь.

Г. ЧЕРНЕНКО

Рисунки В. Цикоты

Я ВЕРЮ...

ПОВЕСТЬ

Зенна ХЕНДЕРСОН

Рисунки В. Топкова

И вот я сижу за своим столом, старательно изобразив на лице безмятежность и подчеркнуто расслабив руки, и ни один человек, взглянув на меня, наверно, не догадался бы, какая тяжкая проблема гложет меня. Да и я сама не могла поверить в ее существование. Скорее всего, проблемы такой просто не могло быть. И, тем не менее, мне предстояло разрешить ее. О, у меня было более чем достаточно времени, чтобы найти решение! До 2.15. И стрелки моих часов, как ножницы, неустанно отстригали минуты. 1.45. Что мне делать? Что мне делать, если наступит 2.15, а я не справлюсь с Дисмей? Вот она сидит сейчас рядом с Донной, и ее нечесаные космы торчат совсем близко от сверкающих, ухоженных локонов Донны.

Ох, уж эти волосы Дисмей! В то октябрьское утро они бросились мне в глаза еще до того, как я взглянула на ее лицо. Вздохнув по поводу появления моего сорок пятого ученика, я сразу поняла, что она из семьи сезонных рабочих — обездоленное дитя. Почему-то это всегда видно по их волосам. Я взмолилась про себя, чтобы она, по крайней мере, оказалась чистой. И она была чистой — просто до болезненности. Ее руки и лодыжки были шершавыми от цыпок — не от грязи. Обвисшее платье, выгоревшее до едва заметной голубизны, с намеком на прежний цвет вдоль боковых швов и у воротника, было чистым, но невыглаженным. Гладкие, похожие на бесцветную мешковину, волосы как-то безжизненно обрамляли ее тонкое лицо и беспорядочными прядями спадали на плечи. Однако чистый розовый пробор, разделяющий волосы надвое, сохранился с того времени, как они были расчесаны еще мокрыми после мытья.

Что ж, я радушно приняла ее в свой первый класс, довольная хотя бы тем, что новый ученик — девочка. Я так устала от постоянного избытка мальчиков! Меня удивило, что с ней пришла ее мать. Обычно в тех краях родители просто показывали детям, как пройти к остановке школьного автобуса, и отправляли в путь легким толчком. Но ее мать была здесь — женщина с удлиненными запястьями и шеей и продолговатым лицом, одетая в джинсы и выгоревшую рубашку из шотландки с булавками вместо пуговиц. Мне показалось, что она старше, чем должна выгля-

деть мать Дисмей. Ее узкие плечи были перекошены, а ткань рубашки на спине натягивалась крутой выпуклой дугой. Я не могла сказать, являлось ли это следствием изнурительного труда в течение всей жизни, или было врожденным уродством. Ее левая щека запала в том месте, где не хватало зубов, и резкие морщины, пересекающие во всех направлениях ее лицо, напоминали мне трещины, покрывающие тонкий слой высохшей на солнце грязи.

— Дисмей? — спросила я.— Как вы пишете его?

— Вы учительница,— ответила мать чуть хриплым голосом, словно им пользовались не очень часто.— Пишите его так, как вам хочется. Ее зовут Дисмей Ковен. Ей шесть. Она еще не ходила в школу. Мы были на капусте в Юта.

— Мы должны иметь свидетельство о рождении...— заикнулась было я.

— Его никогда не было,— кратко ответила миссис Ковен.— Так или иначе, она родилась. В Юта. Когда мы были там на капусте.

По моей просьбе она повторила имя, чтобы я смогла уточнить его написание. Месяцем рождения я выбрала ей октябрь, отсчитав назад столько лет, сколько подходило ей по возрасту. Это было обычным делом, только иногда они даже не могли точно назвать месяц — какую культуру собирали в то время — да, но не месяц.

Все это время мать стискивала плечи Дисмей обеими руками, а Дисмей просто стояла со спокойным лицом, прижавшись спиной к матери и наблюдая своими тусклыми глазами. Когда я получила всю необходимую информацию, включая тот факт, что Дисмей не станет есть, если ее завтраки не будут бесплатными, мать резко подтолкнула Дисмей ко мне и сказала ей:

— Слушайся учительницу.

Потом обратилась ко мне:

— Учите ее правде. Она — доверчивый ребенок.

И пошла прочь, не добавив ни слова и не оглянувшись.

Итак, куда мне посадить сорок пятого ученика в классе, рассчитанном на сорок четыре человека? Я быстро пересчитала их. Все дети здесь. Нет ни одного свободного стула. Единственным незанятым местом в комнате была старая табуретка, которую я использовала как подставку, когда мне нужно было забраться повыше, а также усаживала на нее провинившихся в Углу Для Наказанных. Ну, что ж, Банни вполне сможет посидеть чуть подальше от Майкла, да и с табуреткой он знаком достаточно хорошо, так что я поместила его на табуретке у библиотечного стола, а Дисмей усадила рядом с Донной, поручив ей на этот день позаботиться о новенькой.

Я дала Дисмей простой и цветные карандаши и другие необходимые принадлежности и предложила ознакомиться с комнатой, но она осталась сидеть там, куда я ее посадила, и сидела вся напряженная и неподвижная так долго, что это начало меня беспокоить. Я подошла к ней и написала печатными буквами ее имя на клочке нашей желтоватой учебной бумаги.

— Вот твое имя, Дисмей. Может быть, посмотрим, как тебе удастся написать его? Я помогу тебе.

Дисмей взяла у меня карандаш, держа его так, как будто это был кинжал. Для того, чтобы карандаш оказался в ее руке в нужном положении, мне пришлось поставить на соответствующее место каждый ее пальчик. Пока мы смогли написать имя, с нас градом катил пот. Это было похоже на протаскивание сквозь строй букв тяжелого железного стержня. Дисмей не проявила даже и тени удовлетворения, робкого или открытого, свойственного всем начинающим при первой успешной попытке написать свое имя. Она посмотрела на шатающиеся буквы, потом подняла глаза на меня.

— Это твое имя, Дисмей,— улыбнулась я ей и произнесла его по буквам.

Она снова взглянула на бумагу, карандаш закачался и завертелся в ее руке, пока не оказался опять зажатым как кинжал. Дисмей воткнула кончик карандаша в следующую строчку, и он проткнул бумагу насквозь. Быстрым, виноватым движением она прикрыла рукой дырочку и втянула голову в плечи.

Я открыла коробку с цветными карандашами и вытрясла их немного оттуда, чтобы она могла

видеть цвета — мне хотелось привлечь ее внимание и заставить повернуть лицо ко мне.

— Может быть, ты лучше попробуешь цветными? Или походи по классу и посмотри, что делают другие дети.

И я оставила ее, несколько приободренная. По крайней мере, она знала, что строчка предназначена для того, чтобы на ней писать. Это ли не признак зрелости!

Весь остаток утра она настороженно просидела, как на насесте, на самом кончике стула, прямая, словно аршин проглотила. На большой перемене Донна самолично увела Дисмей в ванную, а потом на площадку для игр. Затем Донна покорно оставалась подле нее, с тоской наблюдая, как играют другие, пока не пришло время ввести Дисмей в игру и указать ей, что есть ряд девочек и ряд мальчиков.

После перемены Дисмей позволила себе расслабиться на короткое время, когда она думала, что я не смотрю. Этого времени хватило ей для того, чтобы провести красным карандашом на бумаге две очень тонкие линии. Затем она просто сидела и таращила на них глаза, видимо, потрясенная результатом своих усилий. Скорее всего, она никогда до этого не держала в руках цветного карандаша.

Пришло время ленча, и в столовой она с минуту смотрела в свою тарелку широко открытыми глазами, а потом, зачерпывая ложкой и пальцами, съела все с такой быстротой, что чуть не подавилась.

— Хочешь еще? — спросила я.

Дисмей посмотрела на меня так, будто я сошла с ума, задавая такой нелепый вопрос. На середине третьей порции она несколько сбавила темп. Теперь, при взгляде на меня, на ее тонкой щеке появлялось какое-то трепетное движение. Это могло быть началом улыбки. Донна показала ей, куда отнести грязную посуду, и отвела на площадку для игр.

В этот первый день, после ленча, она в конце концов нарисовала картину — удивительно зрелую,— изображавшую три шатающихся тарелки, полных еды, и кривобокий пакет с молоком, из которого торчала огромная соломинка. По настоянию Донны, она взяла свой красный карандаш и внизу, у края листа, тщательно скопировала с бумажки, на которой было написано ее имя, буквы «Ди», но когда «с» оказалось повернутым наоборот, она прикрыла его все тем же быстрым, виноватым движением руки и просидела неподвижно до конца уроков.

Мысль о Дисмей не оставляла меня и после того, как в этот день дети разошлись. Я привыкла к оробевшим, ушедшим в себя детям, до отчаяния напуганным приходом в новую школу, но мне никогда не приходилось сталкиваться с таким сильным проявлением этого, как у Дисмей. Ни слова, ни смеха, ни улыбки, ни даже слез. И такая осторожность — и при этом мать назвала ее доверчивым ребенком! Но в таком случае есть доверчивость и доверие. Доверие тоже может быть негативным. Вполне возможно, Дисмей больше всего верила в то, что нельзя верить в добро,— исключая, быть может, три тарелки, полные до краев едой, и красный карандаш. Ну что ж, для начала не так уж плохо!

На следующее утро я почувствовала себя несколько увереннее. В конце концов, вчерашний день был для Дисмей первым днем в новой школе. Точнее, это был вообще ее первый школьный день. А дети удивительно легко приспосабливаются к новой обстановке, как правило.

Я огляделась вокруг в поисках Дисмей. Долго искать ее не пришлось. Банни и Майкл загнали ее в угол возле дверей нашего класса. А ведь я должна была предвидеть это! Банни и Майкл были в этом году для меня источником постоянного раздражения. По отдельности они были живыми, способными детьми, намного превышающими средний уровень практически во всем. Но вместе! Вместе они были как уксус и сода, вдохновляя друг друга на самые дьявольские проказы, какие только могут изобрести два шестилетних мальчика. Они, как кремень и огниво, высекали искры, от которых начинал полыхать самый большой пожар несчастий, с которым я когда-либо сталкивалась. Недавно, после пребывания в Периоде Огульного Противодействия, они впали в Младенческий Период, сопровождающийся сосанием большого пальца, младенческим сюсюканьем и младенческим же ревом без единой слезинки — шумом, издаваемым с той же силой, с какой другие дети подражают реву реактивного самолета, грохоту шестизарядного револьвера или трескотне автомата.

Эти двое не видели, как я подошла, и я постояла за ними с минуту, любопытствуя, что же они так быстро придумали, чтобы досадить Дисмей.

— Это электрические розги, и они специально для девочек,— серьезно изрекал Банни.

— Ты становишься во весь рост на качелях, а электрические розги специально для девочек, которые становятся на качелях,— хладнокровно подлил масла в огонь Майкл.— И они здорово больно бьют.

— Они могут даже убить тебя,— с удовольствием сказал Банни.

— До смерти,— добавил Майкл, делая круглые глаза и скашивая их слегка в сторону Банни, чтобы обменяться с ним своей радостью.

Дисмей подняла одно плечо и провела дрожащей рукой по щеке.

— Я не знала...— начала она.

— Конечно, она не знала,— сурово сказала я.— Банни и Майкл, ну-ка, марш в комнату!

Я отперла дверь и загнала их туда. Потом я обняла неподвижную Дисмей за плечи. Сквозь тонкое платье и жиденькую плоть можно было ощутить ее косточки.

— Это не так, Дисмей,— сказала я.— Нет никаких электрических розог. Такого вообще не существует. Они просто дразнили тебя. Но у нас действительно есть правило — не вставать во весь рост на качелях. Ты можешь выпасть и разбиться. Вот сюда идет Донна. Ты пойди поиграй с ней, и она расскажет о наших правилах. И не верь Банни и Майклу, когда они говорят тебе что-

нибудь плохое. Они просто пытаются дурачить тебя.

Войдя в комнату, я предстала перед двумя грешниками, не испытывающими ни малейшего угрызения совести.

— Вы плохо поступили по отношению к Дисмей,— сказала я. —А ведь она наша новая ученица. Неужели вы хотите, чтобы она подумала, что мы тут, в нашей школе, все такие злые?

Они не удостоили меня ответом, если не считать тонкого хихиканья Банни, к которому он обычно прибегал, когда чувствовал некоторую растерянность.

— Кроме того, вы ведь сказали ей неправду.

— Мы просто играли,— сказал Майкл, обмениваясь косыми взглядами с Банни.

— Говорить неправду — не лучший способ позабавиться,— напомнила я им.

— Мы просто играли,— повторил Майкл, в то время как Банни обратился за помощью к своему большому пальцу.

— Но Дисмей не знала, что вы только играли,— возразила я. — Она думала, что вы говорили правду.

— Мы только играли,— сказал Банни, не вынимая палец изо рта.

После того, как мы обсудили этот вопрос еще и еще раз, я сурово отправила их из комнаты. Эта парочка с визгом побежала прочь. На бегу, держась за свои джинсы пониже спины, они выкрикивали:

— Мы получили взбучку! Электрическими розгами! Ой-ой! Ой-ой!

Сердце мое упало. У меня возникло предчувствие, что Младенческий Период готов уступить свое место Периоду Насмешек Над Дисмей.

Дисмей медленно входила в жизнь класса. Она начала работать вместе с классом, с легкостью догнав детей, пришедших в школу за месяц до нее. Одним махом расправившись с долгими и краткими гласными, она настигла нас на первых согласных. Дисмей показала способности к рисованию и живописи. Арифметика и чтение ровным потоком вливались в нее — и оставались там, вместо того, чтобы ослабевать и уходить, как это бывает со многими детьми. Но вся классная работа тускнела и становилась для Дисмей пустяком по сравнению с чудом того часа, когда я читала им сказки. Именно после первых нескольких чтений сказок, которые я устраивала сразу после обеденного перерыва, мне стало ясно, что имела в виду мать Дисмей, назвав ее доверчивым ребенком.

Дисмей безгранично верила в абсолютную правдивость каждой сказки, которую ей приходилось слышать. Она была беспредельно доверчивой.

Трудно объяснить разницу между тем, чем была сказка для нее и для остального класса. Другие всем сердцем верили в сказку во время чтения и без малейших колебаний отбрасывали ее, когда она заканчивалась. Но от Дисмей во время чтения исходило такое сильное чувство страстного приятия — и признания,— что временами меня чуть ли не мороз подирал по коже. Иногда мы разыгрывали сказки в лицах, и эта ее вера проявлялась с такой силой, что, когда Дисмей исполняла роль живущего под мостом тролля в сказке «Сердитый козел Билли», даже Банни бледнел и, очертя голову, проносился через мост, забывая, что он, Большой козел Билли, должен расхаживать с важным видом. И он наотрез отказался вернуться и убить тролля.

Но эта доверчивость сослужила ей плохую службу, сделав ее полностью уязвимой для Банни и Майкла. Среди прочих несчастий они заставили ее поверить в то, что в ящике на крыше столовой, где помещалась сирена воздушной тревоги, живет лев. И когда как-то приехала машина гражданской обороны и на один миг включила сирену, чтобы проверить ее исправность, Дисмей, задыхаясь, с побелевшими от ужаса глазами, умчалась в комнату, слишком испуганная для того, чтобы даже закричать. Полдня она неподвижно просидела там с мокрым от слез лицом, несмотря на все мои попытки переубедить ее.

Затем, в какой-то из дней я обнаружила ее горько рыдающей у тротуара, хотя в это время она должна была находиться в классе. Слезы беззвучно лились из ее глаз, в то время как она, содрогаясь от отчаяния, терла рукой тротуар.

— Что случилось, Дисмей? — спросила я, присев на корточки подле нее, чтобы лучше видеть ее лицо.— Чем ты занимаешься?

— Моя мама,— выдохнула она,— я покалечила мою маму!

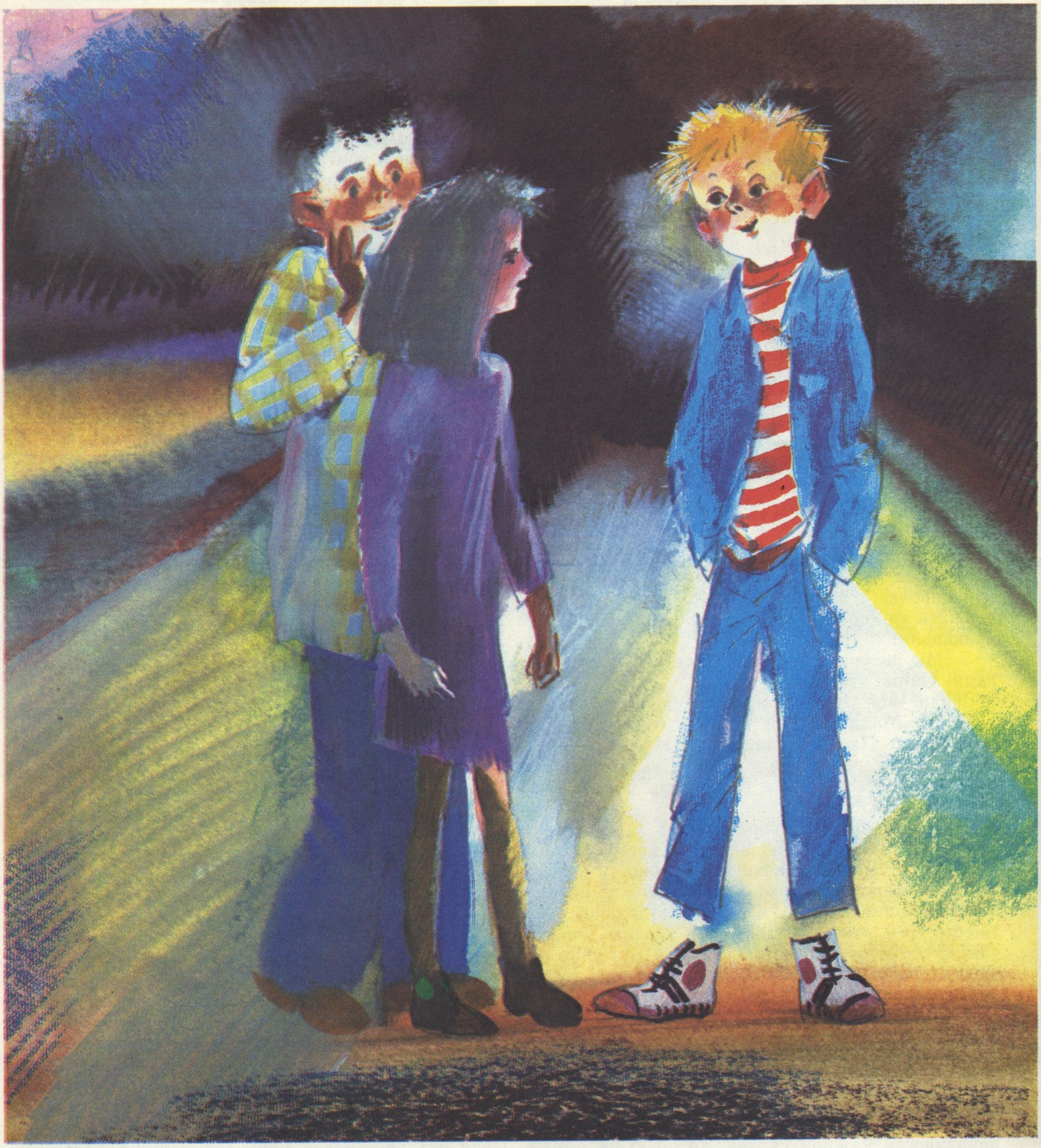
— Что такое ты говоришь? — спросила я в замешательстве.

— Я наступила на трещину,— всхлипывая, сказала она.— Я не хотела, но Банни толкнул меня. И теперь у моей мамы сломана спина! Можете вы исправить сломанную спину? Это очень дорого стоит?

— О, Дисмей, миленькая! — воскликнула я, разрываясь между жалостью и раздражением.— Я же говорила, чтобы ты не верила Банни. «Как по трещине пройдешь — маме спину перебьешь» — это ведь неправда! Это же просто такая песенка, которую любят распевать дети. На самом деле это не так!

В конце концов я уговорила Дисмей оставить тротуар, но она явно была сама не своя весь остаток дня и вылетела, как пуля, из комнаты после окончания уроков, словно ей не терпелось скорее попасть домой, чтобы убедиться, что там все в порядке.

Занятия в школе шли своим чередом, и от сказок мы перешли к книгам про страну Оз. Теперь на часе для чтения я сидела постоянно окруженная разлившимся у моих ног морем удивленных лиц, заново переживая вместе с ними очарование, испытанное мною тогда, когда я впервые услышала эти истории. И Дисмей так твердо верила в каждое услышанное от меня слово, что Майкл и Банни заставляли ее, охваченную ужасом, спасаться бегством каждый раз, когда пыльный вихрь проносился по площадке для игр. Наконец я вынуждена была решительно вмешаться в это дело, когда увидела, как Майкл борется с отчаянно молчавшей Дисмей, пытаясь разжать ее руки,

мертвой хваткой вцепившиеся в окружающий площадку забор, чтобы вихрь не смог поднять ЕЕ и унести ЕЕ через Мертвую Пустыню в лапы Злой Колдуньи Запада.

После этого Майкл обнаружил, что его джинсы — не такая уж хорошая защита от ракетки для пинг-понга, которая считалась самым суровым орудием физического наказания в нашем классе. Ему также пришлось, несмотря на полученную трепку, провести полдня в Изоляции вне классной комнаты, просидев в одиночестве на ступеньках у дверей; но самым тяжким было общее наказание, которому подвергся он вместе с Банни. Им было запрещено играть друг с другом три дня. Вид их удрученных, поникших фигур навевал уныние на всю площадку, и даже Дисмей простила их задолго до конца срока.

Но проявленное мягкосердечие сделало ее еще более уязвимой для этих маленьких дьяволят, когда они в конце концов снова взялись за свое.

Мы закончили первую книгу о стране Оз и с восторгом принялись за первую часть «Магии страны Оз», и вот тут-то мы на него и наткнулись! Прямо на девятнадцатой странице! Мы все торжественно на него посмотрели. Мы написали его на доске. Мы с благоговением созерцали его. НАСТОЯЩЕЕ ЖИВОЕ МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО! И теперь, чтобы уметь заниматься настоящей магией, нам оставалось всего лишь научиться произносить его.

Но вот здесь как раз и была загвоздка. Мы еще раз рассмотрели слово. ПИРЗКХГЛ. Мы проанализировали его. Все его буквы были известны, но в нем не имелось гласных, за исключением И. Как можно произнести слово, в котором столько гласных и которое не делилось на слоги? Конечно же, такое длинное слово должно было иметь более чем один слог!

— Впрочем, мы должны проявлять осторожность даже при попытке произнести это слово,— предупредила я.— Потому что, если вы найдете правильный способ произносить его, вы сможете — ну, вот здесь написано: «...превратить любого человека в зверя, птицу или рыбу, или во что угодно и наоборот, как только вы узнаете, как произносить это магическое слово».

— Вы сможете даже превращать самих себя. Разве не было бы забавным на некоторое время стать птицей? Но вот о чем нужно как следует подумать. Птицы умеют говорить в стране Оз, но могут ли они говорить здесь?

Ответом было торжественное единодушное «нет» — если не считать попугаев и скворцов.

— Так что, если вы превратите себя в птицу, вы не сможете снова превратить себя в человека. Вам придется оставаться птицей до тех пор, пока кто-нибудь не скажет магическое слово за вас. Так что лучше будьте поосторожнее, если вы научитесь произносить его.

— А как ВЫ его произносите, учительница? — спросила Донна.

— Мне никогда это не удавалось,— со вздохом сказала я.— Каждый раз, когда я дохожу до этого слова, мне приходится произносить его по буквам, так как я не могу произнести его правильно. Может быть, когда-нибудь я научусь этому. И вот ТОГДА, когда у нас наступит Тихий Час, я превращу вас всех в пасхальные яйца, и в нашем классе будет настоящий Тихий Час!

Посмеявшись, дети вернулись к своим партам, и мы приготовились к нашим послеобеденным занятиям. Но сначала большинство детей склонилось над партами, старательно копируя с доски слово ПИРЗКХГЛ, чтобы унести его домой в надежде на то, что кто-нибудь поможет им научиться произносить его. Все было, как обычно,— смеющиеся дети, наполовину верящие в удивительные способности слова, и торжественная напряженность Дисмей, склонившейся над клочком бумаги и старательно переписывавшей слово, шевеля губами.

А дело «Банни и Майкл против Дисмей» все продолжалось. Я посоветовалась с родителями мальчиков, но мы не смогли придумать ничего путного, что могло бы остановить их. Казалось, существовала какая-то непреодолимая сила, подстрекавшая мальчиков, несмотря на все наши попытки справиться с ними. Иногда приходится сталкиваться с такими вещами, как конфликт индивидуальностей — а иногда и союз индивидуальностей,— которые невозможно объяснить. Я пыталась решить эту проблему с позиции Дисмей, настаивая на том, чтобы она каждый раз, когда мальчики будут пытаться оплести ее очередной басней, рассказывала мне об этом прежде, чем окончательно поверить им; но Дисмей была слишком наивным ребенком, чтобы распознать пускаемое ими в ход коварство. Пробовала я и игнорировать всю эту ситуацию, полагая, что создаю ее сама, признавая ее существование. Но рыдавшая несколько раз в моих руках Дисмей убедила меня в ее реальности.

И вот пришел вчерашний день. Это был холодный день, с неистовым ветром, пронизывающим до костей, несмотря на безоблачное небо — в такой день не очень-то поиграешь после ленча на площадке. Мы сказали детям, чтобы они побегали и поиграли минут пятнадцать после того, как мы вышли из столовой, а потом на оставшуюся часть перерыва зашли в дом. Я дрожала в своем свитере и жакете, щурясь от потока солнечного света, который, казалось, делал порывы проносившегося над площадкой холодного, хлесткого ветра еще холоднее. Дети, взвизгивая от возбуждения и ощущения свободы, носились взад и вперед наперегонки с ветром, играя в сумасшедшую игру — пятнашки, заключающуюся в том, что все становятся в круг и кто-нибудь начинает считать: «Джинджер, Финджер, Ливерпуль. К нам приехал мастер Гулль. Будет шить он и кроить, а тебе пора водить!», после чего они, как безумные, разбегаются во всех направлениях от того, на кого упало последнее слово.

Однако энергии некоторых из наших подопечных хватило ненадолго, и когда я увидела, как Трееса и Ханнери забились в угол, дрожа от холода в своих потрескавшихся, не по размеру, башмаках, и плотнее закутываясь в изорванные свитера, я поднесла к губам свисток, давая команду на возвращение в класс.

Крики и шум в конце концов сменились долгожданным сдержанным гулом Тихого Часа, и я позволила себе вздохнуть и расслабиться. Автоматически исключая тех, кто в этот день отсутствовал, я быстро пересчитала их и тут же, вздрогнув от неожиданности, снова проверила, кто есть в классе.

— Где Дисмей? — спросила я.

Последовало долгое молчание.

— Знает ли кто-нибудь, где Дисмей?

— Мы с ней были в комнате отдыха,— сказала Донна.— Она боится ходить туда одна. Она думает, что внизу, в кочегарке живет дракон, и поэтому боится ходить одна по лестнице.

— Дак она играла с нами в пятнашки,— сказал со своим вечным сопением Ханнери.

— Может, она пошла на большую площадку,— предположила Трееса.— Нам не велят играться на большой площадке,— целомудренно добавила она.

И тут я услышала тонкое, смущенное хихиканье Банни.

— Банни и Майкл, идите сюда.

Они стояли передо мной — воплощенная невинность.

— Где Дисмей? — спросила я.

Они обменялись косыми взглядами. Плечи Майкла поднялись и снова опустились. Банни уставился на свой большой палец — вот! смотрите! — высох за все эти недели — и сунул его в рот.

— Майкл,— сказала я, крепко беря его за плечи так, что пальцы мои впились в его тело.— Где Дисмей?

— Мы не знаем,— захныкал он, вдруг испугавшись.— Мы думали, она здесь. Мы играли в пятнашки.

— Что вы сделали с Дисмей? — спросила я, и дикая мысль, что они в конце концов убили ее, пришла мне в голову.

— Мы... мы...— суровость моего лица и резкость слов заставили Майкла разразиться испуганными слезами.

— Мы ничего не сделали! — закричал Банни, вынув палец изо рта и внезапно осмелев, увидев испуг Майкла.— Мы просто положили камень на ее тень.

— Камень на ее тень?

Мои руки упали с плеч Майкла.

— Угу.— Смелость Банни испарилась, и его палец снова вернулся в рот.— Мы сказали ей, что она не сможет сдвинуться с места.

— Садитесь,— приказала я, оттолкнув ребят от себя.— Все вы помните правила, которых должны придерживаться, когда меня нет в комнате,— напомнила я классу.— Я скоро вернусь.

Площадка была пуста, если не считать мятой бумаги, крутящейся вместе с вихрем вокруг мусорного бака. Я поспешила в джунгли спортзала. Дисмей не было и там. Я повернула за угол Старого Дома и увидела ее, напряженную и борющуюся. Ноги ее зарылись в землю, изношенные башмаки были залеплены грязью, и все ее существо отчаянно старалось отдалиться от маленького камня, лежащего на ее тени. Я видела — или мне показалось, что видела,— как тень сама скручивалась вокруг ее угловатых, потрескавшихся лодыжек.

— Дисмей! — позвала я.— Дисмей!

— Учительница! — зарыдала она.— О, учительница!

Я взяла ее руки в свои, пытаясь согреть закоченевшие маленькие ладошки. Нас обеих колотил озноб. Губы мои плясали, как и ее съежившиеся, синие губы, трясущиеся от рыданий.

— Но Дисмей, миленькая! — воскликнула я.— Ведь это все не так! Ты можешь вернуться в дом в любой момент! Камень не может держать твою тень! Это неправда!

НО МНЕ ПРИШЛОСЬ СНАЧАЛА УБРАТЬ ЭТОТ КАМЕНЬ — только после этого я смогла поднять ее на руки и отнести в комнату.

Весь остаток дня эта комната была встревоженной и покорной. Банни и Майкл потеряли всякий интерес к работе. Полные страха, они сидели на своих местах, ожидая прихода грозы. Но я ничего не сказала им. Мне нечего было сказать. Я уже говорила и снова говорила все, что только могла придумать. Я сделала все, что можно было сделать, и все это оказалось напрасным. Даже визит в канцелярию и беседа с мистером Бисли утихомирили их только на полдня. Я не могла даже заставить себя думать обо всем этом. Я дошла до предела, за которым вера в то, что прикованная тень сопротивлялась мне, казалась реальной. Ведь для того, чтобы поднять ребенка, мне пришлось сдвинуть камень. Это было совершенно выше моего понимания. Я почувствовала озноб, осознав, что не только Дисмей, но и я сама — взрослый человек — попалась в сети этой безграничной веры. А что же будет дальше? От ощущения, что я нахожусь на грани психического расстройства, у меня весь день стоял комок в горле.

В теплой комнате Дисмей скоро перестала дрожать и спокойно занялась работой. Но она явно старалась не замечать мальчиков. Прошелестела своей короткой юбкой Донна, подойдя за бумагой для Дисмей к общему столу, который стоял как раз за их партой. Казалось, душа Дисмей заковалась, наконец, в броню, и во мне затеплилась почти неосязаемая надежда на то, что она сможет теперь противостоять этим маленьким чудовищам.

Неестественно строгая атмосфера послушания царила до конца уроков. Я видела перед собой самый спокойный, самый трудолюбивый класс за всю свою педагогическую деятельность — но это не был счастливый класс.

Когда я отпустила детей, Майкл и Банни СПОКОЙНО — без напоминания — поставили свои

стулья, перевернув их вверх ножками, на стол. После этого они ПОШЛИ в гардероб. У дверей они некоторое время помешкали, пока не убедились, что не дождутся от меня ни слова, ни улыбки, ни даже хмурого взгляда. Медленно, шаркая башмаками, ребята пошли к воротам, где останавливается автобус. Дисмей быстро, бочком выбралась из комнаты, как будто она была виноватой стороной. У нее тоже не нашлось ни слова, ни улыбки для МЕНЯ, и я, волоча ноги, медленно побрела к автобусу.

Дети удивительно быстро пришли в себя. Следующий день — о, господи! этот сегодняшний день! — начался почти нормально. Мы хорошо поработали все утро, хотя тишины уже не было. В глазах Майкла и Банни опять сверкали чертики. Дисмей вела себя по отношению к ним совершенно равнодушно. Лишь легкая улыбка чуть изгибала уголки ее рта. Она с удовольствием играла с Донной, и я благословила крепкий ночной сон, сулящий мне возвращение к спокойной жизни. Я надеялась — о, как я надеялась в это утро,— что мальчики, наконец, решили найти вместо Дисмей какой-нибудь другой объект, на который они могли бы направить свою энергию.

Прошло время завтрака, и мягкая погода позволила нам провести все время отдыха на дворе. Большая перемена пришла и ушла. Пол вокруг моих ног захлестнул прилив детей, приготовившихся слушать сказку.

— Банни,— сказала я автоматически,— я не хочу, чтобы ты сидел с...

И тут я почувствовала, как внутри у меня все оборвалось. Я быстро взглянула на Дисмей. Она ответила мне взглядом, совершенно спокойная и умиротворенная, улыбаясь все той же легкой улыбкой.

— А где Банни и Майкл? — небрежно спросила я, и мне в голову пришла безумная мысль, что все это уже было вчера.

— Дак они говорили мне, что пойдут на большую площадку,— фыркнул Ханнери.— Они всю дорогу там прятались.

— Во, во,— сказала Трееса.— Они ходили на большую площадку, но потом возвернулись. Они пошли к Старому Дому и съезжали с перилов. Нам не велят съезжать с перилов,— добродетельно добавила она.

— Может быть, они не слышали звонка,— предположила Донна. —Его бывает не слышно, когда играешь у Старого Дома.

Я посмотрела на Дисмей. Она тоже взглянула на меня. Ее маленький острый язычок быстро облизал улыбающиеся губы и исчез. Она судорожно сглотнула. Я неловко отвела взгляд в сторону.

— Ну что ж, тогда они опоздают на сказку,— сказала я.— И так как на этой неделе они опоздали дважды, им придется побыть в Углу Для Наказанных вдвое дольше того, на сколько они опоздают.

Я взглянула на часы, чтобы отметить время, и начала читать. Но я не слышала ни одного своего слова. Наверное, я, как обычно, пересказывала сказку, приспосабливая ее к уровню начального класса. Возможно, я опускала некоторые разделы, малоинтересные для моих детей, но мне трудно об этом судить. Я была вся поглощена попытками прогнать уже знакомое ощущение грозящего мне помешательства, подавить предчувствие, что нечто ужасное и невероятное стало правдой.

После того, как группа вернулась на свои места и погрузилась в работу, я спокойно подозвала к своему столу Дисмей.

— Где Майкл и Банни? — спросила я ее.

Она вспыхнула и пожала своими тонкими плечиками.

— На площадке.

— Почему же они не пришли, когда прозвенел звонок?

— Они не могли услышать звонок.

Легкая улыбка приподняла уголки ее рта. Я содрогнулась.

— Почему же?

Дисмей смотрела на меня без всякого выражения. Потом она перевела взгляд на свой палец, которым водила взад и вперед по краю стола.

— Дисмей,— настаивала я,— почему они не могли слышать звонка?

— Потому что я превратила их,— ответила она, слегка вздернув подбородок.— Я превратила их в камни.

— Превратила? — тупо переспросила я.— В камни?

— Да,— ответила Дисмей.— Они нехорошие. Ужасно нехорошие. Я их превратила.

И она снова улыбнулась своей легкой улыбкой.

— Как тебе это удалось? — спросила я.— Что ты для этого сделала?

— Я научилась произносить магическое слово,— гордо сказала она.— Я могу правильно сказать его. Это то слово, которое вы нам читали. ПИРЗКХГЛ.

И она издала несколько вибрирующих и шипящих звуков, от которых у меня мороз пошел по коже.

— И оно подействовало? — не веря, воскликнула я.

— Ну конечно,— ответила она.— Вы ведь сами говорили, что оно должно действовать. Это же магическое слово. Вы читали о нем в книге. Мама научила меня, как надо произносить его. Она удивлялась, как это они могут помещать такие слова в книги для детей. Ну, теперь им все сходит с рук. Это слово не для детей. Но мама все же показала мне, как произносить его. Вот, смотрите!

Она подняла со стола машинку для сшивания бумаг.

— Стань крольчонком[1] — ПИРЗКХГЛ!

И, поставив машинку на стол и склонившись над ней, она быстро пробормотала слово.

На месте машинки появился крохотный серый крольчонок, пытливо тыкающийся носом в мой журнал!

---

[1] Выпускаемая в США машинка для сшивания бумаг своим силуэтом напоминает кролика, сидящего в обычной позе с прижатыми к спине ушами.— *Прим. перев.*

— Стань тем, чем ты был раньше,— сказала Дисмей.— ПИРЗКХГЛ!

Крольчонок слегка вздрогнул... и машинка упала на бок. Я подняла ее — она казалась чуть теплой. Машинка выпала у меня из рук.

— Но... но,— я глубоко вздохнула.— Где мальчики, Дисмей? Тебе это известно?

— По-моему, да,— ответила она, чуть нахмурившись.— Кажется, я помню, где они.

— Пойди разыщи их,— сказала я.— Принеси их ко мне.

Она с минуту спокойно смотрела на меня, сжав зубы так, что у нее вздулись желваки. Потом она сказала:

— Хорошо, учительница.

Вот так я отправила ее — господи, помоги мне! И она вернулась — господи, помоги всем нам! Она вернулась и положила на угол стола три маленьких камня.

— Мне кажется, это они,— сказала она.— Какие-то два из них, во всяком случае. Я не помню точно, в какие я их превратила, так что я принесла один лишний.

Мы смотрели на камни.

— Они боятся,— проговорила она.— Я превратила их в БОЯЩИЕСЯ КАМНИ.

— Разве камни понимают? — спросила я.— Разве камни могут бояться?

Дисмей некоторое время размышляла над этим.

— Я не знаю.

Легкая улыбка вновь появилась на ее губах.

— Но если они могут — они боятся.

И вот они лежат здесь, на зеленом журнале, посреди моего расшатанного стола, на виду у переполненного класса — три камня, каждый размером с небольшой шарик — и два из них Майкл и Банни.

А время бежит быстро, ох как быстро! Я не могу произнести магическое слово. Никто не может произнести его, за исключением Дисмей и ее матери.

Конечно, я могла бы отнести их в канцелярию к мистеру Бисли и сказать:

— Вот здесь два моих мальчика. Помните их? Это те, которые все время дразнили маленькую девочку из моего класса. Она превратила их в камни, потому что они были плохими мальчиками. Что нам делать?

А еще я могу отнести их к родителям мальчиков и предложить им:

— Один из них — ваш сын. Какой больше всего напоминает Банни? Выбирайте.

Уже пятнадцать минут я взирала на свои спокойные руки, но постепенно усиливающийся в классе шум голосов и шорох сказали мне, что пришло время решать. Я должна была предпринять что-то, и скоро.

Обдумав еще и еще раз это, я поняла, что у меня остался только один возможный выход. Я решила принять веру Дисмей. Я намеревалась стать самым верящим учителем, который когда-либо существовал. Я буду верить — я безоговорочно верю в то, что Дисмей послушается меня. Она поступит так, как я скажу. Я верю, я верю, я верю...

— Дисмей, подойди сюда, пожалуйста.

Вот оно, послушное дитя, у моего стола.

— Уже время собираться домой,— сказала я ей.— Будь добра, возьми эти камни и пойди во двор. Преврати их обратно в Майкла и Банни.

— Я не хочу.

Надежда затеплилась во мне — ведь это не отказ! Это не отказ! Она только сказала, что не хочет этого.

— Я знаю, что ты не хочешь. Но скоро зазвенит звонок, а мы ведь не хотим, чтобы они опоздали на автобус. Мистер Бисли бывает очень недоволен, когда мы опаздываем на автобус.

— Но они были очень плохими мальчиками.

В ее глазах стояли боль и гнев.

— Да, я знаю, что они были плохими, и я собираюсь наказать их розгами. Но они уже долго были камнями — испуганными камнями. Они теперь знают, что ты можешь им отомстить, и наверняка оставят тебя в покое и не будут больше мучить. Пойди, отнеси их туда.

Она пристально смотрела на меня.

— Помнишь, твоя мама сказала, чтобы ты слушалась учительницу?

Ее челюсти сжались.

Три камня звякнули в ее ладони. Дисмей вышла из комнаты. Дверь, резко качнувшись, захлопнулась за ней.

Теперь я жду, когда дверная ручка повернется еще раз.

Я ВЕРЮ, Я ВЕРЮ, Я ВЕРЮ...

Перевод с английского Э. МАРКОВА

НАВСТРЕЧУ XX СЪЕЗДУ ВЛКСМ

В восьмом классе они писали сочинение: «Моя будущая профессия». Каких только специальностей не было в тонких школьных тетрадках к концу урока! Моряки и строители, летчики и машинисты, лесники и учителя...

Сейчас в таком сочинении конструктор Ленинградского карбюраторного завода имени Куйбышева Юрий Попов, наверное бы, написал: «Думаю, что стану инженером, потому что на уроках математики и физики всегда пробую найти самое простое и краткое решение задачи...» Впрочем, нет — теперь бы он написал: «оптимальное решение».

Когда молодого специалиста избрали в комитет комсомола завода, он так же тщательно и вдумчиво разбирался в каждом деле — искал это самое «оптимальное решение» — будь то организация субботника, шефская помощь школе или создание новой комсомольско-молодежной бригады.

Были и неудачи. Их Юрий анализировал особенно внимательно и понял: они случались, когда он искал правильный ответ в одиночку. Так он открыл для себя, что лучшее решение можно выработать только сообща.

Как работать завтра? Как сделать, чтобы дела комсомольской организации стали еще весомей? Как добиться, чтобы каждый понял: успех наших планов достигается и на

его рабочем месте? Кто ответит на эти вопросы, выработает программу действий?

Дела и опыт, проблемы и заботы всех, кто носит на груди комсомольский значок, будут обсуждать делегаты XX съезда ВЛКСМ, который начнет работать в апреле этого года в Москве.

ДАВНЯЯ СТРАНИЦА

Михаил НАЙДИЧ

Околица.
Горланит где-то кочет.
Кровавая трава у самых ног.
И вот он, первый в жизни,
бой окончен,—
в руке у хлопца
стынущий клинок.

За голой степью —
полоса лесная;
коня пришпорил,
и догнал друзей,
и вытер пот буденовкой.
Не зная,
что позже попадет она
в музей.

БАРАБАН

№ 1

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ ПЕЧАТАЕТ ТВОИ ЗАМЕТКИ, СТИХИ, РИСУНКИ

Революционный держим шаг!

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!

Вообще-то возраст у меня уже комсомольский, но так получилось, что в комсомол я еще не вступил и хожу в школу в пионерском галстуке. Однажды ко мне подошел мой одноклассник Олег:

— А тебе не стыдно ходить в галстуке?

— Нет,— ответил я. — А почему мне должно быть стыдно?

— Просто никто в восьмом классе в галстуке уже не ходит. А ты что — маленький?

— Но разве пионерский галстук носят только маленькие? А как быть с пионервожатыми, например?

Олег замялся, ничего не мог ответить. А я задумался: почему некоторые ребята стыдятся носить пионерский галстук? Неужели взрослость измеряется тем, что ты носишь или не носишь галстук, «фирменную» одежду? Разве быть взрослым — значит быть развязным, курить, красиво выражаться?

Быть, а не казаться взрослым — это значит отвечать за свои поступки, за поступки товарищей, иметь большое, серьезное дело и добросовестно выполнять его. Таких ребят в нашей стране немало. Они работают наравне со взрослыми за штурвалами комбайнов, на фермах, в школьных лесничествах. У каждого из нас есть возможность стать взрослым не внешне, а по-настоящему. И это гораздо труднее и почетнее, чем снять пионерский галстук или тайком закурить сигарету.

Алексей Дубовой,
инструктор
юнкоровского отряда «Пламя».
Пятигорск

МЫ НА МАРШЕ

Активным помощником Уральской мебельной фабрики стал межшкольный учебно-производственный комбинат. Школьные бригады быстро решили проблему обеспечения фабрики красивыми латунными ручками и другими важными «мелочами».

«Керченская палитра» — так называется музей, открывшийся в 14-й школе Керчи. Ребятами сделана экспозиция, которая помогает воссоздать разнообразный мир культурной жизни города, начиная с XIX века и до наших дней.

Имя отважной летчицы Раисы Беляевой, погибшей при защите Воронежа от немецко-фашистских захватчиков, присвоено одной из улиц города. Страницы ее жизни и подвига восстановили юные следопыты из клуба «Поиск» 69-й средней школы.

ПРИЛЕТЕЛА К НАМ ВЕСНОЙ КУКУШКА
Петя Гнатченко,
12 лет, Харьков

СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ

В нашем доме жил Ленин

Я живу в доме 4, на улице Достоевского. На этом доме установлена мемориальная доска, а во дворе стоит бюст В. И. Ленина. Квартира № 11, в которой жил Владимир Ильич, находится на одной лестничной площадке с моей квартирой. Я узнал, что Ленин жил здесь с 2 октября 1893 года до начала января 1894 года. Ленин писал своей маме, Марии Александровне, 5 октября 1893 года: «Комнату я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки, и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая и светлая. Ход хороший. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен».

В то время, когда здесь жил Ленин, хозяином квартиры был Федор Козьмин. Его дочь Екатерина Федоровна, которая видела Ленина еще девочкой, умерла в 1977 году, прожив всю жизнь в этой квартире.

Из вещей, которыми пользовался Ленин, остались только кресло и часы. Их отдали в Музей революции.

Алеша Чижов,
школа № 321,
Ленинград

НАШ КИД

Дорогая редакция!

Прежде всего, хотим представиться. Мы члены кружка «История немецкого рабочего движения». Наш кружок существует уже 14 лет. Нас особенно интересует судьба детей бывшего концлагеря Бухенвальд. Как они смогли выжить в то страшное время? Какова их судьба?

Мы уже установили кое-какие связи с бывшими узниками Бухенвальда в СССР, ЧССР, Польше, Венгрии, Югославии и других странах.

Мы надеемся, что советским ребятам, возможно, известны другие адреса. Мы были бы признательны за помощь в установлении связи с бывшими узниками концлагеря Бухенвальд.

С дружеским приветом
и по поручению кружка
Аннет Вандель.
ГДР,
1220 Айзенхюттенштадт,
ул. Фридриха Энгельса,
2-я средняя школа им. Эриха Вайнерта

ЗИМНЕЕ УТРО

Сияют сугробы волшебным сияньем.
Зимнее утро. Под снегом луга.
И провожают тебя завываньем
Тетка Метель и бабка Пурга.
Ветер хохочет, со снегом играя,
Хочет, чтоб ты втянулся в игру.
Воет, в лицо тебе снегом кидая,
И произносит протяжно: «У-у!»

Маша Марышева,
7-а класс,
школа № 436,
Ломоносов

„БАРАБАН" БЬЕТ ТРЕВОГУ!

Здравствуй, «Барабан»! Пишут тебе девочки средней школы им. Ф. Энгельса. Учительница казахского языка С. К. Кармалаева запрещает нам дружить с мальчиками, гулять после уроков, ходить в кино. У нас ежемесячно бывает собрание, и на этом собрании повторяется одно и то же. Запрещают носить модные куртки, кататься на велосипеде, носить заколки, делать стрижки и т. д. Если все это неправильно, то на каком основании нам запрещают?

Ира Шевелева,
Света Изимова,
Марина Тарихова
(всего 11 подписей),
Гурьевская область,
Денгизский район,
село Сафоновка

„БАРАБАНУ" ОТВЕЧАЮТ

Факты, изложенные в письме школьников, подтвердились. Подобное письмо явилось результатом ослабленной воспитательной работы в школе. Комитет комсомола не уделяет внимания организации свободного времени школьников. В школе плохо работают кружки по интересам, мало проводится бесед на тему дружбы, этики и эстетики. По всем проблемам была проведена беседа с учащимися, учителями, секретарями партийной, комсомольской организаций, дирекцией школы. Внесены конкретные предложения, изложенные факты доведены до сведения районного отдела народного образования.

Секретарь Гурьевского обкома ЛКСМ Казахстана
А. АШЕМГАЛИЕВ

ДЕЛЮСЬ ОПЫТОМ

Во время выборов актива я хотела отказаться быть членом совета дружины. У меня спортивные тренировки, и дома помогать надо. Но все как один твердили, что я несколько лет уже в совете дружины и всегда справлялась, да к тому же все мне помогут. Я согласилась: хорошо, будем работать вместе. Начала я с подруг — они меня понимали и поручения выполняли. Я стала расширять круг помощников. Главное, четко объяснить, чего я от них хочу и зачем — ведь это не для меня, а для отряда, для школы. Особенно охотно мне помогают те, у кого нет постоянных поручений. Конечно, были и такие, кто говорил: мол, тебе поручили, сама и выполняй. Но я стояла на своем — вплоть до вызова на совет дружины. Но такие случаи редки. Я стараюсь, чтобы мои поручения были человеку по силам, по душе, что ли. И вот мои сторонники стали не только помогать мне, но и других стали заставлять выполнять пионерские поручения. Главное, не кричать на ребят, не чувствовать себя каким-то начальником, а объяснить ситуацию: надо, ребята, без вас не справиться!

Лена Кузьмичева,
Ростов-на-Дону

ГЛАВНЫЙ ТРУД - УЧЕБА!

Как мы были учителями

У нас в школе прошел день самоуправления. Учителя и нянечки отдыхали, а вместо них были ученики 7—10-х классов. Ребята очень старались быть похожими на своих любимых педагогов. Конечно, взрослые волновались за нас и всегда были готовы прийти на помощь. Но мы и сами справились. Особенно постарался наш «директор» — Дима Бажин из 10-г класса.

А в столовой устроили концерт для учителей. Ребята из комитета ВЛКСМ для праздничного чая накрыли столы. День самоуправления всем понравился. Главное, что ребята почувствовали, как трудно быть учителем. И как интересно!

Виктория Пальщикова,
7-б класс,
школа № 199,
Ленинград

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

ФОТОКОНКУРС

ЮНЫЙ ПОМОЩНИК
Сережа Чаплиев, Чернигов

УЧЕНИЦА
Лиля Атмажар, Молдавская ССР

СМОТРИ, КАК Я УЧУСЬ! **Саша Власов, Сыктывкар**

КОСТЕР

Вероника Симонова, Ленинград

САЛЮТ, УВЛЕЧЕННЫЕ!

По-моему, самое интересное в нашей школе — это агитбригада. Она нам помогает, когда есть какие-то недостатки, а как от них избавиться, мы не знаем. Например, во многих классах всю общественную работу сваливают на двух или трех человек, а остальные делать ничего не хотят. Мы придумали для агитбригады историю про Выручалкину. Она была нагружена всякими поручениями, а потом одноклассники выбрали ее еще и ответственной за чистоту учебников. Вот мы и сыграли, как бедную Выручалкину совсем придавило этими поручениями. Еле спасли. Все очень смеялись, а потом ребята из 7-го «а» нам рассказали, что у них в классе после выступления агитбригады такая суматоха началась... Стали заново поручения распределять...

Дима Рассоленко,
6-а класс,
школа № 97,
Омск

Литературная странички

В «Барабан» пришло письмо из поселка Авсюнино Московской области от Светы Козыревой. Света рассказывает: «Недавно я ходила в лес смотреть, как встает солнце. Природа в этот час поразила меня своей загадочностью и красотой. И я решила обо всем этом написать».

НАЧАЛО НОВОГО ДНЯ

Раннее утро. Выхожу на улицу и иду по городу. Снег поскрипывает под ногами. На востоке встает солнце. Все вокруг сразу изменяется. Снег становится голубовато-алым. Он искрится. Кажется, что снег горит. Я словно в сказку попадаю. Все передо мной переливается разными цветами. Но вот солнце взошло. В глазах больно от сверкающего снега.

Прохожу мимо березовой рощи. Деревья стоят, одетые в серебристый иней. На березах много маленьких серых комочков. По щебету догадываюсь — это воробьи.

Природа оживает. Мир начинает жить новым днем. Я иду, вдыхаю чистый морозный воздух и говорю новому дню: «Здравствуй!»

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕНИНГРАДСКОГО МАЛЬЧИКА ГЕРМАНА ПОПОВА 1941-1944 Г.Г.

22 июня. Живу на даче в деревне Ящерке. Утром Вова, Эрик, дядя Сережа, тетя Лена Потемкины и я ходили гулять по деревне. А потом пошли по дорожке по направлению к станции Толмачево. Нам навстречу шел человек и сказал, что началась война. Германские самолеты бомбят наши города.

5 июля. Мама ездила в Ленинград и вернулась. Папы нет дома. Он на оборонных работах. Все время летают самолеты с черными крестами. Первый день налетов был 2 июля. В 6 часов вечера появился самолет. Забухали зенитки. Он повернул в сторону Красной Кемки, но оттуда тоже забухали зенитки. Самолет удрал.

12 июля. Я с мамой, бабой Олей и другими дачниками на военном грузовике поехал в Ленинград. Только мы съехали с моста — ж-ж-у и бах-бах-бух! Пролетел фашистский самолет. Он подбит. В 11.30 мы приехали на станцию.

В 12.30 вдруг началась пальба из пулемета: тра-та-та-уух! Оказывается, два самолета немцев снимали объект.

Из-за этого мы опоздали на поезд 3.41 ночи. И сели на поезд, которого в расписании поездов нет.

В вагоне я уснул. Проспал несколько станций. На станции Гатчина была проверка паспортов. Мама принесла мне кружку клюквенного кваса. Проверили паспорта и посадили всех обратно в вагон.

Еще до этой станции загудел немецкий самолет. Но все обошлось благополучно. Мы приехали в Ленинград!

Папы дома не было. Была тревога.

14 августа. Папа вернулся с оборонных работ. Мы были с ним в кино. Смотрели кинорепортаж с фронта Отечественной войны.

31 августа. Мы с мамой были в школе. Занятий не будет.

6 сентября. Уже три дня как немцы обстреливают город из дальнобойных орудий. На Глазовой улице оторвало угол дома, имеются убитые и раненые. Папа купил мне журнал «Костер» № 7.

Я с мамой пошел гулять в Сангаллиевский сад. Тут тревога. Мы ушли из сада. Укрылись в одном доме. Минут через пять послышалась стрельба из зениток, загудели немецкие самолеты. Стекла задрожали. Я подошел к окну в парадной, вижу — штук десять фашистских самолетов. Вертятся во все стороны. Разрывы со всех сторон. Бум-м! Бум-м!

Бам-м! А они вертятся и лезут вперед. Ни одного не подбить! Мне стало страшно. Пришлось отойти от окна. Пальба удалялась. Наконец все стихло. Я подошел к окну и посмотрел. Вижу: дым коричневого цвета выполз из-за дома. Я чуть не закричал: «дым, дым!» Дым сделался черного цвета и почти закрыл все небо. Все стали говорить: «Хлебозавод горит!» Хлебозавод был шагах в двадцати. Скоро был дан отбой воздушной тревоги.

Сразу собрались кучки людей. Милиционеры разгоняли эти кучки. Я с папой залез на чердак. Посмотрел вокруг. В одном месте дым шел струйкой. Часам к девяти дым рассеялся. В этот налет горели Бадаевские склады.

11 сентября. Ночью была тревога. Опять фашисты стреляют по городу из дальнобойных орудий. На небе сейчас какие-то белые полосы.

Сегодня я видел воронку от бомбы на Литейном.

28 сентября. Мы с папой купили несколько тетрадей для второго класса и два черных карандаша.

Мне Вова дал за девять корабликов шесть осколков от зенитного снаряда. На одном из них цифра 197. Что это такое? На двух осколках прорези. Два корявых, а один медный с маленькими рубцами. На одном буквы «Т», «е», «з».

По радио передавали памятку для населения «Что делать при артиллерийском обстреле». Если свистит снаряд, надо ложиться на пол, а потом идти в убежище.

4 октября. С утра до вечера летают наши патрульные истребители. Из дальнобойных почти не стреляют.

В 8.30 тревога. Вдруг треск и шум: на трамвай, аптеку и несколько домов упали зажигательные бомбы. И на наш дом и двор тоже упали. Все мужчины и женщины пошли их тушить.

Я приоткрыл дверь из бомбоубежища на лестницу, дверь во двор оказалась открытой. И слышу кто-то крикнул: «Тушите!» И сразу показался столб пламени. Это упала зажигательная бомба. Я отошел от двери.

В эту тревогу на двор и чердаки упало восемь зажигалок, все они потушены. Потом я узнал от папы, что в другую тревогу к нам на двор и крыши упали еще четыре бомбы. Папа потушил одну бомбу.

8 октября. В 2 часа ночи тревога. Начали наши дальнобойные вовсю бить по немцам. А баба Оля вскочила и стала

кричать: «Вставайте! Большая опасность, идемте в бомбоубежище!» Мы с мамой не встали и продолжали спать. И тут отбой. Бабушка оказалась неправа.

17 октября. Почти целый день пальба из зениток — то отдаленная, то близкая.

В 6 часов вечера передавали передачу для школьников и вдруг прервали. После короткого перерыва начали снова, с фразы «бойцы пошли за лейтенантом». Наверное, это фашисты прервали.

А вдруг я ошибся? Может, это дальнобойные? Сейчас здоровая пальба из каких-то пушек. Даже страшно. Но я страх переборю.

Вчера сгорел Народный дом. Горели Американские горы. Слониха Бетти погибла. Слоненок остался жив. Некоторые звери, которые не были эвакуированы, разбежались, птицы тоже улетели из Зоосада.

В 7.25 тревога по расписанию. В 8.55 тревога. В 10.30 тоже тревога.

19 октября. Опять выпал снег. Я с мальчишками делал снежную бабу и играл в снежки. Попал раз 12—13.

Я надумал делать военный альбом. В июле я хотел тоже делать альбом, но забросил это дело, а сейчас буду обязательно.

Опять сильная канонада. Я вскочил с кровати. Папа одевался. Все небо было исчерчено белыми полосами. Гремели зенитки. Взрывы были видны, но самолетов видно не было. Я надел пальто и, перескакивая через ступеньки, понесся в газоубежище. Тревога длилась довольно долго. После отбоя много осколков валялось на дворе.

Другая тревога была через 30—40 минут. Из зениток стреляли. В газоубежище принесли листовки, которые сбросил германский самолет. На одном листке было напечатано: «Переходите к нам. Мы вам дадим пропитание и приют. Мир измученной родине! Торопитесь! Переходите к нам. Красноармейцы!! Вы будете получать от Германии все». В эту тревогу сбрасывали много листовок. Мы их все порвали на клочки.

20 октября. Редкие выстрелы из дальнобойных. Папа сказал, что это стреляют с наших кораблей.

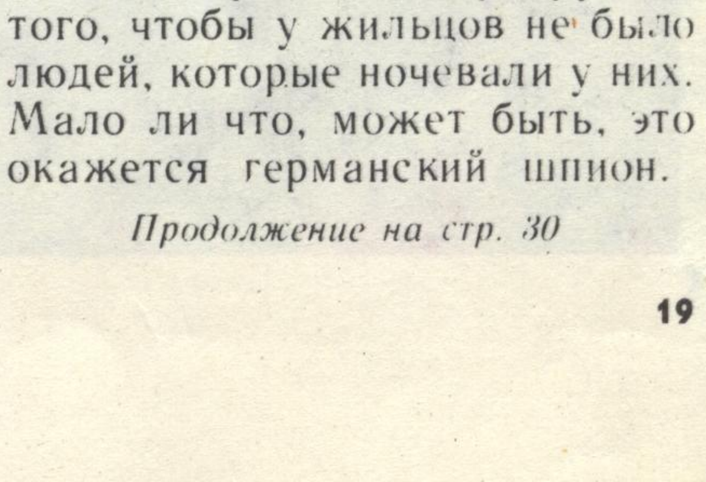
К нам пришли тетя Катя и дядя Витя Жуковы. Женя из Запорожья был переслан в Мелитополь, из Мелитополя на остров Н. С острова — в Червоноармейск. Женя писал в письме, что «мы под свист немецких снарядов уходим из Запорожья». Женя и другие зенитчики ночевали в кукурузе. Тетя Катя читала письмо Жени, но тут пришлось прервать, потому что тревога.

24 октября. Уже несколько дней и ночей как не было тревог. Ночью они не налетают, потому что новолуние. Двадцать шестого последний день новолуния, с того дня первая четверть. Немцы боятся делать темной ночью налеты на Ленинград, потому что тогда действуют прожекторы, а прожектор поймает самолет лучом, и зенитки будут вести прицельный огонь.

А лунной ночью прожекторы поймать самолет не могут.

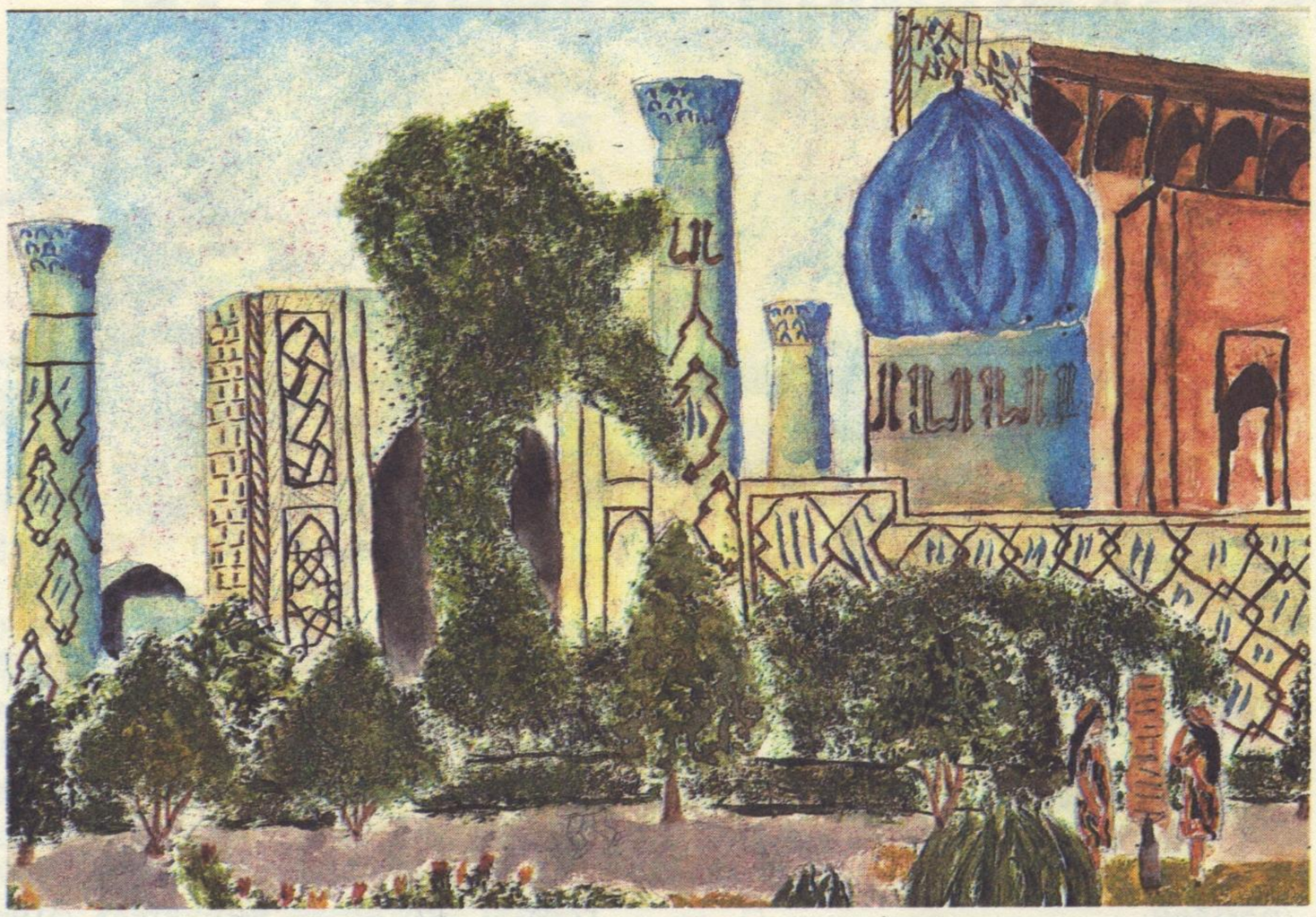
Я был в саду. Вдруг — пиу-уу! Просвистел немецкий снаряд. Я остался в саду. Скоро просвистел еще один снаряд. Я не пошел в газоубежище. Шурик Лебедев сидел у ворот. Он дежурил. И он видел, что на Невском проспекте загорелся дом. Если это правда, то немцы стреляют зажигательными снарядами. Вот из-за этого, когда свистели снаряды, взрывов не было.

27 октября. К нам пришли неожиданно без предупреждения милиционер Балабанов с фонариком-жужжалкой (таким, как у папы) и управхоз Семен Павлович Сидорин с фонарем красно-синего цвета. Спрашивают: «Нет ли у вас гостей, которые ночуют?» Мама отвечает: «У нас на ночлег никто не приходит». А Балабанов говорит: «Мы к вам в гости пришли» и прошел в большую комнату. Оттуда он пошел к соседке тете Жене. Семен Павлович за ним. Через минуту вышли обратно. Очевидно, тетя Женя зажгла в незамаскированной комнате свет, потому что послышался сердитый голос милиционера Балабанова: «В незамаскированной комнате свет строго воспрещается зажигать».

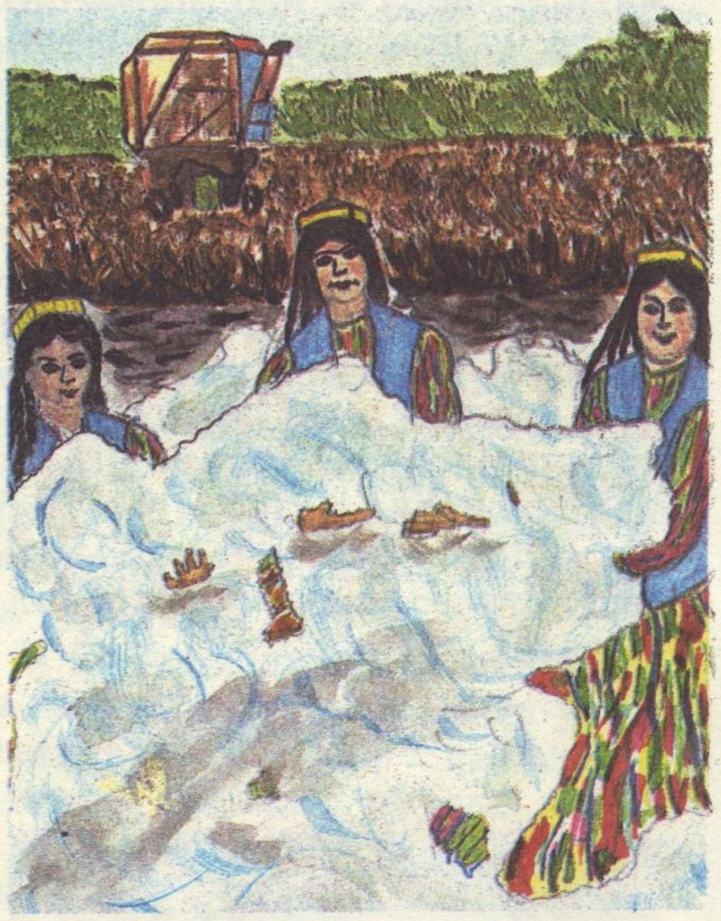

Потом мама говорила, что они осматривали квартиру для того, чтобы у жильцов не было людей, которые ночевали у них. Мало ли что, может быть, это окажется германский шпион.

Продолжение на стр. 30

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

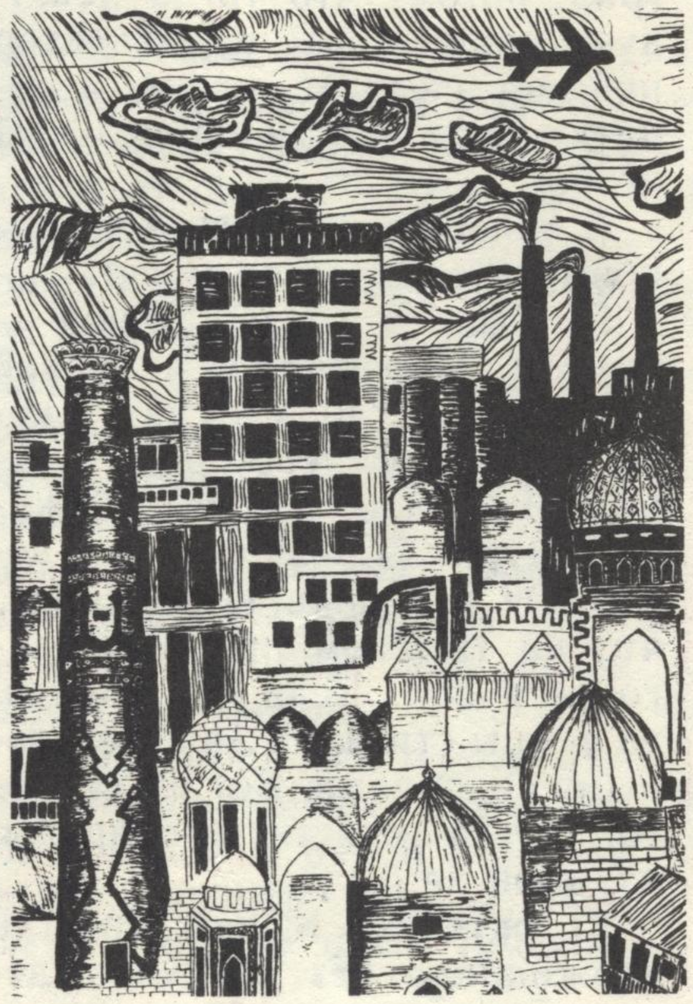
В СТАРОМ ГОРОДЕ
Дильдора Ахмеджанова

ХЛОПОК УЗБЕКИСТАНА
Бахтиёр Ахадов

ДЕВУШКА С ГОЛУБЕМ
Дильдора Ахмеджанова

МОЙ САМАРКАНД
Шавкат Раджабов

В старой части Самарканда, в зелени чинар и акаций стоит Сиабский дом пионеров. Отсюда отправляются на этюды девчонки и мальчишки — ученики изостудии. Ребята любят рисовать свой город.

Самарканд — древнейший город нашей страны. Он существовал уже две с половиной тысячи лет назад. Современник Вавилона — наш современник!

Центр старого города — торговая площадь Регистан. С трех сторон она замкнута величественными зданиями медресе. (Когда-то здесь были мусульманские духовные школы, теперь — музей). Блестит глазурь мозаичных стен, над прямоугольными порталами высятся голубые купола и узорные столпы минаретов. Недаром туристы приезжают сюда за много километров, чтобы полюбоваться чудесными постройками, словно из волшебной восточной сказки. А Дильдоре Ахмеджановой и Акобиру Азизову идти сюда от Дома пионеров всего десять минут. И вот уже они рисуют...

Старое и новое в Самарканде срослось, сжилось. Рядом с новыми домами — купола мечетей. На улицах рядом с автомобилями можно увидеть длинноухого с кроткими глазами ишака, впряженного в тележку. Не для экзотики и Бахтиёр Ахадов нарисовал девушек в панатласных узбекских платьях, с волосами, заплетенными в сорок косичек. Вы встретите их в Самарканде, наряду с модницами, одетыми в европейские платья.

Старое и новое, сказка и быль Самарканда — об этом рассказывает в своей работе Шавкат Раджабов. А вы заметили на его рисунке грузовики? Они везут хлопок. А хлопок для Узбекистана то же, что уголь для Донбасса, пшеница для Кубани. Сразу же за городом начинаются хлопковые поля, летом — блекло-зеленые, осенью — снежно-белые.

ГОЛУБЯТНЯ

РАССКАЗ

Н. СОЛОМКО

Рисунок В. Лебедева

В тот вечер я рано лег спать: месть предстояла мне ночью, и, чтобы не вызвать подозрений в нашем семейном кругу, вечером я был послушен и тих, а голубятня стояла в центре двора...

Мой враг Тобик ночевал там, когда его отец, доблестный стрелок ВОХРа, приходил домой крепко навеселе. В эти нередкие случаи стрелок пел песню, всегда одну и ту же: «Па-а Дону гу-у-уляеть, па-а Дону гу-уляеть...» — пел хрипло и вдохновенно.

Мы боялись его. Но Тобика мы, конечно, боялись больше.

Тобик был опасен: он любил трясти старую яблоню, на нижней ветке которой, в трепете цветов и листьев, мы играли в самолет. Незабываемый ужас детства: Тобик, хохоча, трясет яблоню, а я рыдаю там, в вышине, в двух метрах от земли, цепляюсь, вжимаюсь животом, лицом, коленками в шершавую, теплую кору и неистово воплю: ма-аа!

Мама спасала меня и немедленно ставила в угол. Так что в детстве у меня всегда был выбор: упасть с яблони или стоять в углу. Я выбирал угол. Как хорошо он был обжит мною за долгие годы детства, он был моей маленькой родиной, началом всего остального мира.

В углу было скучно, но безопасно. За пределами же угла был страх и отчаяние, за пределами угла царствовал Тобик. Я боялся его, большого, недостижимо взрослого, пять огромных лет разделяло нас. Тобик щелкал меня по носу и улыбался, не догадываясь, что ведь вырасту же я когда-нибудь...

И вот я вырос и решил отомстить. В то лето мне исполнилось девять, а враг мой ничего не подозревал, свистал и щурил глаза в солнечное небо.

Месть моя должна была быть простой и страшной: я решил выпустить его голубей. Я был глуп тогда, я думал, они улетят, а голубей своих Тобик очень любил. Когда он возился со своими голубями, его можно было не опасаться, потому что никого и ничего, кроме своих голубей, он не видел тогда.

Мстить я решился в один из вечеров, когда Тобиков отец сидел на лавочке у подъезда, а стало быть, не собирался петь свою песню и выгонять ночью сына на улицу.

Затаившись в постели, я так боялся уснуть, что уже и не помнил о предстоящей мести, а помнил только, что спать мне нельзя, нельзя...

Было еще светло, июнь, а во дворе шел скандал. Слышно было отменно, и слова, выкрикиваемые внизу, подстегивали и радовали меня, потому что дело касалось его, моего мучителя. Визгливый женский голос твердил надсадно:

— В милицию! Малолетний мерзавец, донжуан паршивый! К участковому пойду!..

— Иди куда хочешь! — отвечал злой голос Тобикова отца.

— Негодяй! — у женского голоса выросли крылья, и он полетел над двором, поднимаясь все выше.— Яблоко от яблони!.. Хамское отродье!.. Пусть оставит мою дочь в покое!..

Там же, внизу — на лавочке у подъезда и за столом для домино — переговаривались соседи:

— Ну, удумал... Ах, паршивец... Смотрика-ся, шпана, а умен...

Соседи лениво переговаривались, сочувствие их было наигранным, любопытство неискренним, и только женщина, пришедшая скандалить, чувствовала себя героиней, и громкий ее голос трепетал от едва сдерживаемой истерики:

— Выгнала ведь, негодяя, запретила ей, заперла, чтоб, говорю, я тебя с этим хулиганом вместе не видала, в школу ее провожала, из школы встречала, караулила, сторожила, думала, отстал, паршивец... А тут вон что...

Я не понял, что у них там произошло, как обвел вокруг пальца бдительную тетку хулиган Тобик, да и не старался понять.

Я отчетливо помню светлый проем балконной двери и легкую мамину фигуру, потому что в этот момент я, притворяясь заспанным, прошел в туалет, неся под майкой толстенную книгу с картинками (я боялся уснуть у себя в комнате). Мама на балконе, отец смотрит телевизор, и потому этот мой поступок пока не замечен был, и мне удалось просидеть в туалете довольно долго. Уже стемнело, когда меня хватились, мама постучала и сказала сердито:

— Что ты там делаешь?

Я солгал, но через несколько минут меня все равно выгнали. Забираясь в постель, я услышал, как мама сказала отцу:

— Совсем распустился! — но тут же выяснилось, что речь не обо мне: — Подучить на такое голубей!

— Сообразительный пацан,— хохотнул отец.

— Тебе смешно, а матери каково? — возмутилась мама.— Господи, как я рада, что у нас сын, с девочками так сложно теперь, одни хулиганы кругом.

В общем, ясно было, что и голуби замешаны в делах Тобика, и, значит, я все придумал правильно (только бы не уснуть).

Время не шло и глаза слипались. Я решил считать до тысячи. Раз, считал я, два-а, три-и, четыре, пять, все быстрей и быстрей. Мне нельзя было спать, но цифры набирали скорость, сливались в темную летящую полосу, я не успевал сосчитать их, они превращались в слонов... Мне нельзя было считать слонов, я гнал их и считал звезды в прямоугольнике распахнутого окна. Я считал Тобиковых голубей. По памяти. Вместе с Тобиком их было одиннадцать, они уходили в высокое светлое небо, а Тобик летел впереди стаи и улыбался безжалостно... Я ненавидел его, ненавидел за то, что он не взял меня в голуби и вот летит, летит в вышине, а я остался внизу, и ненавидел его так, что земля ушла у меня из-под ног — и от испуга я проснулся... Темно и тихо было вокруг, в темноте жили только часы. Остальные спали. Сон мой забылся мгновенно, и я остался один в ночной тьме, решительный и испуганный. Пора.

На улице стояла летняя ночь, но дальний край неба уже начинал светлеть.

Почему-то я совсем не боялся, наверное, впервые в жизни я не боялся ничего, когда крался по пустому двору к голубятне. Голуби проснулись и, пока я лез наверх, перешептывались тревожно.

— Вот тебе, гад! — сказал я счастливо, швыряя замок от голубятни в редеющую тьму — я давно выследил его секрет.

В голубятне ночной свет бил через клеть, голуби ворчали и громко хлопали крыльями, пока я открывал ее.

— Кыш! — сказал я на них злым шепотом.

Голуби не улетали. Урчали, забившись в угол, и не улетали, не улетали... Помню, я заплакал, я плакал, отчаянно обзывал их по-всякому, самыми грубыми словами, которые тогда знал, но все напрасно...

— Па-а Дону гу-уляеть!..— раздалось вдруг за забором.— Па-а-а Дону гу-у-уляеть казак молодо-о-ой!

Я выпал из голубятни и рыскнул в кусты акации: это был голос пьяного Тобикова отца.

— Я те покажу... — донеслось из тьмы. — Ты у меня узнаешь!

Темная фигура, качаясь, маячила в сумерках. Я сидел на корточках в пыльных кустах акации и больше всего на свете боялся, что пьяный голос Тобикова отца разбудит моих родителей, я боялся, я опять боялся... Мне надо было домой, но я боялся Тобикова отца: конечно, он обо всем догадается, если увидит меня... Все-таки, за девять лет я очень привык бояться, и теперь, перепуганный и несчастный, сто раз пожалевший о своей смелости, я сидел в кустах и не смел шевельнуться, а Тобиков отец, наверное, брел к голубятне, и в руках у него моталась тяжелая канистра. Светало.

— Я тебе! — все твердил он, поливая голубятню из канистры, начинающееся утро пахло бензином. Залезть наверх он не смог, плеская снизу, чертя зигзаги, раскачиваясь все сильней, потом у него долго не получалось зажечь спичку.

Я сидел в кустах и боялся.

Пламя ахнуло вокруг голубятни, взвилось вверх и сразу загудело. Тобиковы голуби шумно взметнулись над огнем, ушли в вышину и засияли в первом солнце.

— Ах ты! — с отчаянием взвыл пьяный.— Ах! — и, размахивая руками, побежал зачем-то в подъезд.

Я мчался следом: домой, домой!

— А! — грохотало в подъезде по лесенкам.— Не уйдешь!

Я забежал в спасительную дыру подъезда, но дверь наверху хлопнула, и неровный топот теперь понесся вниз, на меня. Поскуливая от ужаса, я снова выскочил во двор, прятаться было негде, я вжался в стену, он не заметил, он проскочил мимо, а в руках у него тяжело и прочно торчало ружье.

Первый выстрел грохнул совсем рядом, я зажмурился, и чуть позже что-то упало с неба, глухо стукнув по земле.

— Что? — сразу закричали из окон.— Что случилось?

— Горим! — ответили с балкона.

— О-о! Пожар, пожар, горим! — закричали голоса, хотя горела только голубятня, и голуби носились над двором, такие отчетливые на рассвете.

Опять громыхнуло. Вскинув ружье, Тобиков отец врастал в землю и стеклянел, он не промахнулся ни разу. Он был отличный стрелок.

Всего выстрелов было девять, я считал, вжавшись в стену. За миг до десятого во дворе появились милиционеры и скрутили пьяного. За ними, красиво алея, подкатила пожарная машина. Голубятня догорала, а Тобик стоял рядом и, когда ее потушили, повернулся и пошел прочь. Он ушел первым. Потом ушли милиционеры, уводя с собой Тобикова отца. За ними отбыла пожарная машина. Тогда смотреть стало не на что — соседи отправились досыпать, и голубь остался один-одинешенек в рассветшем небе.

Десятый, последний, он сделал прощальный круг над бездомным сиротским миром и, выученный хулиганом Тобиком, полетел по единственно знакомому, по запретному маршруту — туда, туда, за дальние дома, к окну на третьем этаже. Он был почтовый голубь и верно исполнял свою службу.

Остальные же девять лежали в вытоптанной траве. К левой лапке каждого серой суровой ниткой прикручена была записка — клочок бумаги из тетрадки в клеточку, и на каждом бестолковым, отчаянным почерком негодяя Тобика написано было: «Юля, я люблю тебя! Василь».

ГДЕ РАБОТАТЬ ШКОЛЬНИКУ

«ПОДСНЕЖНИК» ИЗ САСОВА

Было четыре часа утра, когда ребята из «Подснежника» зашагали по протоптанной в снегу тропинке. С неба подмигивали январские звезды. Ребята были почти в полном составе. Не хватало лишь одного мальчишки. Он недавно тоже опоздал — проспал. Но когда они открыли дверь коровника, «соня» был уже там и раскладывал по кормушкам сено.

— Хлопцы, — засмеялся Игорь Жук,— он же прямо тут и спал! У него сено в волосах!

Грохнул хохот. Прогульщику пришлось сознаться, что он действительно пришел в коровник с вечера.

Быстро разошлись по своим рабочим местам.

— Ягодка, здравствуй,— ласково заговорила Лена Сидорович, и Ягодка, узнав ее, замычала.— Сейчас я тебя покормлю, а ты, моя хорошая, давай молочка побольше,— продолжала ворковать Лена, не замечая, что говорит слово в слово то, что говорит ее мама их корове.

Володя Неверчук ревниво покосился на рослую, крупную Ягодку. Ему почему-то приглянулась среди пятидесяти буренок самая маленькая со смешным именем Солонка.

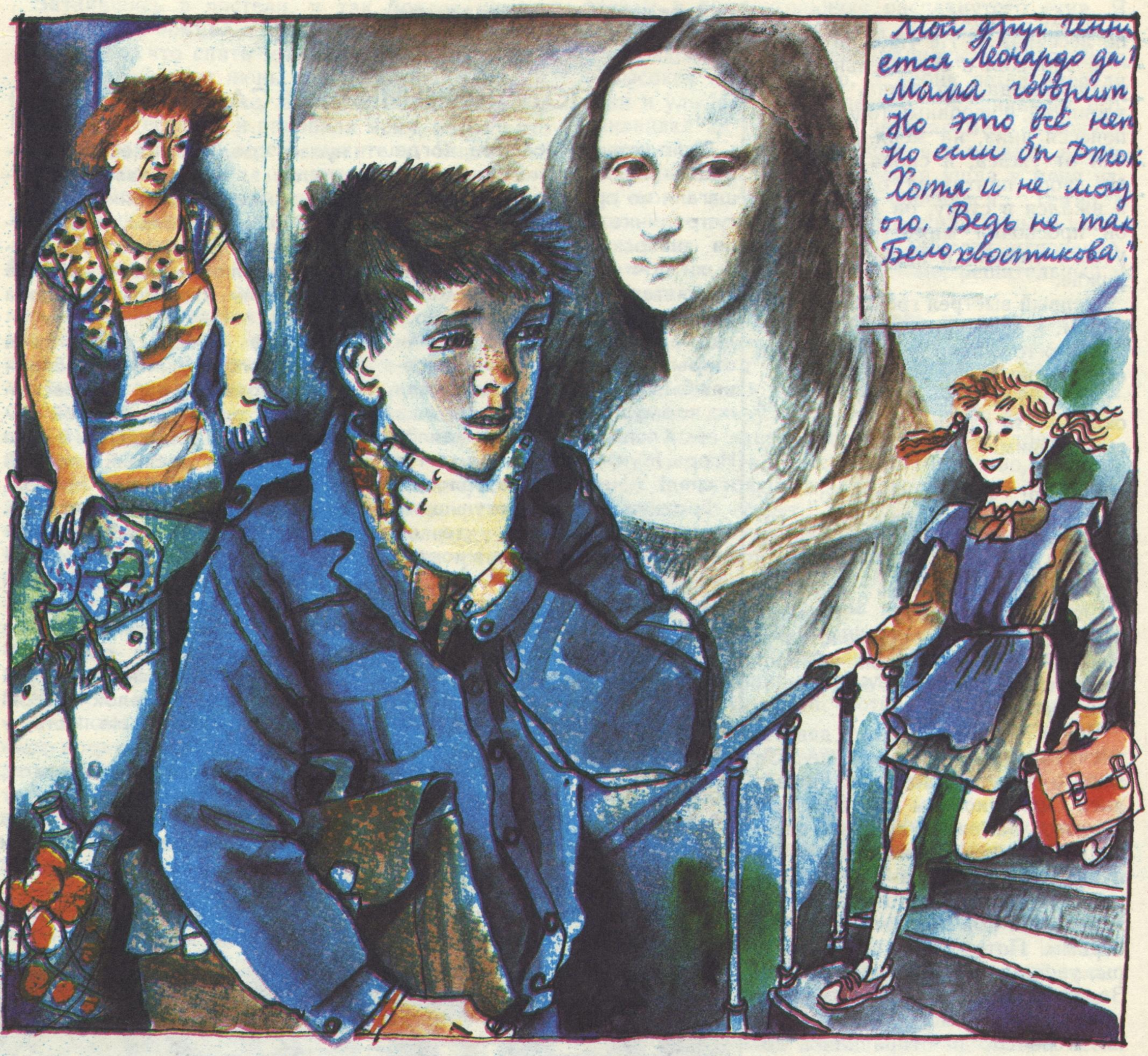
— Ешь, Солонка, ешь побольше,— ворчал он, подкидывая сена любимице,— мы еще посмотрим, кто больше молока даст.

Отряд юных операторов машинного доения «Подснежник» появился в Сасовской средней школе Львовской области четыре года назад. В него входил один десятый класс. В прошлом году к ним присоединился еще один — девятый. Каждый вторник ребята работают на ферме, а у доярок выходной. Летом, когда доярки уходят в отпуск, на ферме хозяйничают школьники. Колхоз за это премирует ребят путевками на Цимлянское море.

Маленький поселок Сасов. Невелика школа. Но есть у школьников сто гектаров земли, которую выделил колхоз, есть два трактора, работает в школе «Подснежник». И есть в Сасовской школе мальчишки и девчонки, умеющие на земле работать.

В. ТЕРЕШКИН
Фото автора

КОМУ УЛЫБАЕТСЯ ДЖОКОНДА

Николай ФЕДОРОВ РАССКАЗ **Рисунки О. Филипенко**

Нет, дело не в том, что у меня какая-то особенная тяга к литературе. Скорей всего, у меня вообще ни к чему особенной тяги нет. И все-таки на уроки литературы, которые у нас Вера Сергеевна ведет, я всегда с радостью иду. Как на физкультуру. Да и не только я — весь наш класс.

Вот, к примеру, приходит Вера Сергеевна на урок и говорит: «Посмотрите, какой сегодня день-то замечательный. Настоящее бабье лето. Неужели вам охота в душном классе сидеть?» «Нет, нет, неохота!» — кричим мы в ответ и с мест как ошпаренные вскакиваем. «Тогда пойдемте-ка гулять»,— говорит Вера Сергеевна. И мы идем в Летний сад, собираем там облетевшие листья, бегаем по дорожкам и разглядываем старинные мраморные скульптуры. А потом сидим на берегу Лебяжьей канавки, и Вера Сергеевна читает нам всякие стихи про осень. И так у нее здорово и, главное, к месту получается, что даже начинаешь думать: «А ведь что-то в этих стихах есть».

Или в другой раз посреди урока отложит Вера Сергеевна книгу, посмотрит на нас, помолчит и скажет: «Что это мы с вами все про литературу, да про литературу? А чем, например, история хуже?» И начнет рассказывать про знаменитого археолога Шлимана. Как он с детства ужасно любил древнегреческого поэта Гомера, и как любовь эта помогла ему открыть легендарный город Трою, в существование которого никто не верил. А потом читает нам отрывки из гомеровской

«Илиады», где про Троянскую войну говорится. И после ее рассказа так эти неуклюжие стихи слушать интересно, что даже хочется все дома до конца дочитать.

...В тот день урок уже подходил к концу, когда Вера Сергеевна достала из портфеля репродукцию одной старинной картины с изображением смуглой молодой женщины, поставила ее на край доски и сказала:

— Надеюсь, вы узнаете картину. Да, это знаменитая «Джоконда». Написал портрет в 1503 году великий итальянский художник Леонардо да Винчи. И вот уже почти пять веков люди не перестают восхищаться этим шедевром. Впрочем, картиной не только восхищаются, о ней думают, спорят. Посмотрите внимательно: женщина на портрете слегка улыбается. Улыбается такой тихой, загадочной полуулыбкой. Вот эту ее улыбку и пытаются разгадать уже много поколений людей. Чему она улыбается? О чем думает в этот момент? Давайте и мы с вами подумаем над портретом. Так что к следующему уроку вы мне напишите сочинение, которое мы так и назовем: «Чему улыбается Джоконда». А чтобы поддержать ваше вдохновение, я принесла открытки с репродукциями картины.

Вера Сергеевна достала из портфеля пачку открыток, и через три минуты все сорок человек нашего класса имели на руках по маленькой Джоконде.

Все уже хотели уходить, когда Генка, сидевший рядом со мной, вытянул руку и нетерпеливо закричал:

— Вера Сергеевна, я, я знаю! Знаю, почему она улыбается!

— Вот и отлично,— спокойно сказала Вера Сергеевна.— Ты нам все в сочинении и напишешь.

— Да я уже сейчас знаю! — не унимался Генка, продолжая тянуть руку.

— Ну, хорошо. Если тебе так не терпится, говори.

Генка встал и, шмыгая носом, сказал:

— Она стесняется.

Тут в классе, конечно, хохот поднялся.

— Ну, чего вы ржете-то,— обиделся Генка.— Точно говорю: стесняется. К нам в прошлом году в пионерский лагерь художник приезжал. Баранов его фамилия. Он Таньку Фоминых из нашего отряда на пень посадил и сказал, что будет с нее картину писать. Так Танька от стеснения вся пятнами пошла, даже нос покраснел. И все улыбалась как дурочка. Ясное дело — стеснялась. С нормального человека не каждый день картины рисуют. А тут перед этой Джокондой сам знаменитый Леонардо да Винчи стоит. Тут бы кто угодно застеснялся.

Все снова засмеялись. И Вера Сергеевна засмеялась, а потом сказала:

— Что ж, хорошо. Будем считать, одна версия у нас есть: Джоконда стесняется.

После уроков мы с Генкой шли по улицам и заглядывали в лица прохожим. Мы хотели посмотреть, как люди улыбаются и попытаться разгадать почему. Но мимо нас торопливо несся бесконечный поток серьезных, озабоченных лиц,

и, казалось, каждое лицо выражало одну и ту же мысль: скорей! скорей! скорей!

— Генка, ты обратил внимание: они все будто на поезд опаздывают,— сказал я. — Интересно, куда они так спешат?

— Кто куда. А некоторые просто по привычке. Мы в прошлое воскресенье поехали в Павловск погулять. Вышли из электрички, и папа как почесал к парку, мы с мамой еле за ним угнались. Мама говорит: «Куда ты так несешься?» А папа говорит: «Никуда я не несусь. Мы ж гулять приехали, так чего на месте топтаться». Привык галопом по своим объектам скакать.

— А у меня папа свои заметки и статейки теперь на диктофон записывает. Магнитофончик такой малюсенький. Запрется в комнате и бубнит какую-то абракадабру: «Героико-романтическое начало очевидно превалирует в метафорической прозе Мухоморова...» Некогда, говорит, писаниной заниматься. Однажды его мать заставила счет за квартиру писать. Так он сидел-сидел, а потом кричит мне: «Митька, как «д» заглавное пишется? Что-то я запамятовал». А теперь с этим диктофоном дурацким совсем писать разучится.

— Жизнь такая,— многозначительно сказал Генка.— Говорят, Лев Толстой свой роман «Война

и мир» семь раз переписывал. Ты видел эту книгу? Видел, какая у нее толщина? Значит, у человека время было. А тут диктовку, за которую пару получил, переписать некогда...

Лифт в нашей парадной опять не работал. Он как безумный непрерывно сдвигал и раздвигал свои полированные створки и при этом натужно гудел и дрожал. Я подхватил свою тяжеленную, словно кирпичами набитую, сумку и потащился на свой девятый. Между пятым и шестым этажами я столкнулся с Катькой Аношиной из параллельного класса. Катька жила в соседнем доме и, значит, была у кого-то в гостях. Увидев меня, она улыбнулась, но ничего не сказала и поскакала вниз.

— Аношина, постой-ка! — крикнул я. Катька остановилась и вопросительно на меня посмотрела. — Ты вот сейчас бежала и улыбалась. Почему, можешь объяснить?

— Твое-то какое дело,— ответила она уже безо всякой улыбки.— Хочу и улыбаюсь.

— Да кто ж так улыбается! Рот до ушей, хоть завязочки пришей. Потихоньку надо улыбаться, загадочно. Картину «Джоконда» видала? Так вот, там итальянка одна... загадочно, понимаешь, улыбается. До сих пор неизвестно почему. А ты варежку разинула — и рада.

— Дурак ты, Повышев,— сказала вдруг Катька и побежала вниз. Обиделась. Эх, не умею я с девчонками разговаривать. Прямо беда! Я ведь не хотел вовсе ее обижать. И в мыслях у меня такого не было. Я хотел рассказать ей про знаменитую Джоконду, открытку показать... В конце концов, Аношина ведь мне улыбалась, когда по лестнице бежала. А я, действительно, как дурак — закрой варежку... Эх!..

Дома я намазал хлеб сгущенкой, поставил на стол перед собой открытку с Джокондой и стал думать. Долго думал, но никаких интересных мыслей в голову не приходило. На диване валялся старый номер «Советского экрана». На его обложке была помещена фотография известной киноактрисы. Она тоже улыбалась, наклонив голову и поправляя прядь волос, спадавшую на глаз. Если по справедливости, то артистка эта была куда красивее Джоконды. И моложе намного. Но смотреть на нее совсем не хотелось. Почему-то сразу вспоминались витрины парфюмерных магазинов или журналы мод. А с Джокондой все по-другому: смотришь на нее, и вроде бы никаких особенных мыслей в голове нет. А оторваться не можешь. Чудеса!

Потом пришла мама из магазина. Сумка у нее была такая тяжелая, что я еле до кухни дотащил. По сравнению с моими кирпичами-учебниками в ней, казалось, чугунные плиты лежат.

— Зачем ты такие тяжеленные сумки таскаешь,— сказал я.— Надорваться хочешь?

— Спасибо тебе большое. Пожалел,— сказала мама, торопливо разбирая продукты. — А кто же их, по-твоему, таскать будет? Я по десять раз в магазин бегать не могу. Нет у меня времени.

Мама достала бледно-синюю в пупырышках курицу с длиннющими желтыми лапами и принялась ее разделывать. Глупая куриная голова на тонкой, словно веревочной, шее свешивалась со стола.

— Ты бы хоть ножи поточил, лодырь,— сказала мама.— Сидишь, киснешь от безделья.

Я достал ручное точило, выгреб из буфета все ножи, и вскоре по кухне запрыгали веселые новогодние искры.

— Мам,— позвал я, закончив работу.

— Ну, чего тебе,— ответила она не оборачиваясь.

— Улыбнись, а?

— Отстань. Некогда мне. Я сегодня с вечера на сутки заступаю.

— Ну, улыбнись. Мне надо.

— Я смотрю, тебе совершенно нечего делать. Принеси-ка свой дневник. Давно что-то его не видно.

— Ну, при чем здесь дневник!

— А при том, что ты совершенно перестал заниматься! Рыскаешь целыми днями по двору, выпучив глаза. Неси без разговоров дневник!

Я вздохнул и поплелся за дневником. Мама оставила несчастную курицу ,в покое, вытерла руки и надела очки.

— Ну, конечно! Все правильно. Ботаника — три, математика, контрольная — три с двумя минусами, на полях замечание. А он меня еще улыбаться просит. Тут плакать впору. «Ходил во время урока рисования». Это что еще за фокусы?! Совсем спятил?! Тебе что, школа — Невский проспект? Гуляет он, видите ли, во время урока.

— Да ничего я не гуляю. У меня кисточки не было. Вот я у Светки Юрковой и взял.

— У тебя никогда ничего нет. А почему задания не записаны? Вам что, не задают уже? Иди, заполни дневник и делай уроки.

— Если хочешь знать,— сказал я в дверях,— я тебя не просто так улыбаться просил. Нам задание такое дали: написать, почему улыбается Джоконда.

— Время у нее было, вот и улыбалась,— сказала мама, опуская курицу в кипящую воду.— Я до свадьбы тоже Джоконда была. Только вот Леонардо да Винчи не нашлось.

Я взял на всякий случай из папиной комнаты энциклопедию и начал писать сочинение.

«Мне очень нравится картина великого итальянского художника эпохи Возрождения Леонардо да Винчи «Джоконда».

Это первое предложение мне самому страшно понравилось, потому что в нем была целая дюжина слов и оно заняло сразу три с половиной строчки в тетради. И я стал писать дальше.

«...Скорей всего, Джоконда сидит на открытом балконе, потому что у нее за спиной какие-то болотца, кочки и ручейки. Значит, действие происходит на даче, а не в городе. У Джоконды темные распущенные волосы, румяные щеки и коричневые глаза. И еще она тихонечко улыбается. Почему она это делает — не известно. Мой друг Геннадий Петров говорит, что она стесняется

Леонардо да Винчу. Мама говорит, что у нее много свободного времени. Но это все неправильно. А как правильно, я не знаю. Но если бы Джоконда висела в моей комнате, я бы подолгу на нее смотрел. Хотя и не могу объяснить, что в ней такого особенного. Ведь не такая уж она и красивая, как, например, артистка Белохвостикова».

Тут я остановился и крепко задумался. Потом приписал: «...В заключении моего сочинения хочу честно признаться, что не сумел разгадать улыбку Джоконды. Жаль, что великий итальянский художник эпохи Возрождения Леонардо да Винчи не оставил на этот счет никакой объяснительной записки».

За сочинение я получил три — четыре. Три за грамотность, четыре за смысл.

А потом промелькнули еще две недели и наступили летние каникулы. И я совершенно забыл про Джоконду и про ее загадочную улыбку. На лето я поехал в спортивный лагерь, а Генка отправился в Хосту к своей тетке.

В конце августа вся наша секция вместе с тренером вернулась в город. На перроне меня встречала мама. На ней было какое-то новое, незнакомое мне платье, а волосы были подстрижены и как-то необыкновенно хорошо уложены. Мама показалась мне очень красивой и совсем молодой. И все-таки это была мама. Она стояла и чуть улыбалась мне, сжимая в руках маленькую, глупую сумочку. И тут я вдруг понял, как сильно соскучился по ней за эти два с половиной месяца. Мне даже захотелось бросить на платформу чемодан и побежать ей навстречу. Но я сдержался и степенно подошел.

— Ну вот, ты и приехал,— сказала мама и взъерошила мне волосы.— Отощал немного, но вырос.

— А как папа? Где он? — спросил я.

— О, твой папа пишет книгу. Говорит, настоящую. Забросил свой диктофон, купил поршневую ручку с позолоченным пером и сидит, не вылезая. Я, говорит, учусь писать... Да, к тебе друг твой уже два раза заходил. Он позавчера приехал.

Генку я встретил во дворе у нашей парадной. Лицо у него было совершенно черное, нос облупленный, а волосы совсем выгорели и стали белыми.

— Здорово,— сказал Генка и толкнул меня в плечо. А потом улыбнулся. И я чувствовал, что Генка очень рад меня видеть. — А я вот тебе раковину привез. Ты не думай, не на базаре купил. Сам нырял.

Генка полез в карман и протянул мне раковину. А я, сам не знаю, почему, вдруг про портрет Джоконды вспомнил. И про ее загадочную улыбку. И тут неожиданно я понял, в чем заключается разгадка. Надо только спросить немного по-другому: «Кому улыбается Джоконда?» И тогда все сразу ясным становится. Потому что улыбается она Генке, мне, моей маме, Вере Сергеевне и всем-всем людям. А когда кто-то тебе так хорошо улыбается, то хочется видеть этого человека все время. И если долго не видишь, то начинаешь сильно скучать.

Вот только Катька Аношина... Кому улыбалась она?

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Зима

Серебристый иней
На ветвях березы.
Поселились в селах
Дедушки Морозы,
Старые Морозы,
Важные Морозы
На окне рисуют
Ледяные розы.

Олеся Выставкина,
Саратов

Море

Дорого душе моей
Море — царство кораблей,
Там, где волны тихо плещут,
Там, где ветер мокрый хлещет,
Там, где скопища фрегатов,
Где легенды о пиратах,
А на дне морской пучины
Дремлют храмы Атлантиды.
Море, я люблю тебя!
Море, ты мечта моя!

Андрей Акузин,
Комсомольск-на-Амуре

Рисунок Н. Куликовой

Урок мечтанья

Иванов сидит за партой.
Что за скука — рисованье!
Вместо скучных натюрмортов
Лучше б был урок мечтанья!

«Полетать бы на ракете,
На Юпитер бы слетать
И про Звездного Медведя
Сообщенье передать...»

Не пришлось летать в ракете,
Перестал он вдруг мечтать.
Говорит учитель строго:
— Иванов, сейчас же встать!

Лена Сомихина,
Челябинская область

КОНКУРС-ИГРА

КАКОЙ МОЖЕТ БЫТЬ СОВРЕМЕННАЯ ПИОНЕРСКАЯ ИГРА!

В разговоре участвуют первый заместитель председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Лидия Николаевна ТИМОФЕЕВА, главный редактор журнала «Костер» Святослав Владимирович САХАРНОВ и редактор отдела пионерской жизни «Костра» Валентин Михайлович ВЕРХОВСКИЙ

Л. Н. ТИМОФЕЕВА: Почему мы сегодня заговорили об игре? Далеко не случайно. Сегодня в стране происходит перестройка буквально всех сторон жизни общества, и пионерская организация тоже не может оставаться в стороне. Разве не стали нашим общим недостатком заорганизованность и формализм? Разве не скованы большие творческие силы, которые таятся в каждом пионерском коллективе? Говоря с ребятами, убеждаешься, сколько у них выдумки, азарта, желания самим, без подсказки делать общественно-полезное дело. А хорошая, веселая, умная игра — одна из форм самостоятельности.

Когда-то предвоенное поколение пионеров, прочитав повесть Аркадия Петровича Гайдара «Тимур и его команда», с увлечением стало играть в тимуровцев. Появилось благородное движение ребят, готовых по первому сигналу тревоги идти на помощь слабым, оберегать младших, бороться с несправедливостью. Тимуровская команда — классическая пионерская игра. Идея высокая, гражданственная — быть полезным своему обществу. А форма игры — романтичная, таинственная. Это, пожалуй, главные условия любой пионерской игры.

С. В. САХАРНОВ: Кстати, мне пришли на память встречи с польскими пионерами-харцерами. У них, совместно с телевидением, есть игра «Таинственная рука». Каждый может послать на телевидение заявку — «Хочу участвовать!». Ему присваивается номер, скажем, «5245». Этот номер не знает никто, кроме него самого. Он, предположим, тайком приносит воду старой соседке или, когда ее нет, колет дрова. И оставляет карточку с номером. Телевидение о самых достойных поступках сообщает всей стране. Тут что интересно: все знают, что в городе действует таинственная рука № 5245, но кто это, неизвестно. И мальчишка молчит. Он гордится и радуется. Награда — сознание того, что твой поступок благороден и замечен.

В. М. ВЕРХОВСКИЙ: Десять лет назад «Костер» напечатал очерк «Ребята из Лопухинки» — о сводном отряде из деревни Лопухинка Ленинградской области. Следопыты, тимуровцы, зарничники — они не могли жить без приключений. Ребята называли себя «красными дьяволятами» — у них была своя военная тайна, свой штаб, где

«Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки веревок, фонарь, два скрещенных сигнальных флага и карта поселка, вся исчерченная непонятными знаками. В углу лежала покрытая мешковиной охапка соломы. Тут же стоял перевернутый фанерный ящик. Возле дырявой замшелой крыши торчало большое, похожее на штурвальное, колесо. Над колесом висел самодельный телефон.

...— Пора,— сказал Тимур.— Всем приготовиться!

Он выпустил из рук колесо, взялся за веревку. И над старым сараем, под неровным светом бегущей меж облаков луны медленно поднялся и заколыхался флаг команды — сигнал к бою».

А. Гайдар
«Тимур и его команда»

КОНКУРС-ИГРА

КОНКУРС-ИГРА

хранились печать отряда, оперативные карты и флаг — на красном полотнище силуэт буденовки. А в обычной канцелярской папке лежали удивительные документы первых лет революции: все они рассказывали о том, как жили в Лопухинке первые коммунисты и комсомольцы...

А вот пример, о котором «Костер» писал совсем недавно. В пионерском лагере под Ленинградом — «Пионерграде» — тоже была игра. Все отряды там были сформированы не по возрасту, а по интересам. Были и свои правила — ребята называли их «Законами города». В отряде «Искатели» — юные геологи, а отряде «АПН» — юнкоры, в «Саженцах» — юннаты, отряд «Рампа» — любители театра. То есть, у каждого отряда — свое дело, и все они нужны пионерскому городу.

Л. Н. ТИМОФЕЕВА: Мне больше всего нравится в этих играх, что ребята играют не только ради собственного удовольствия. Их увлечение не ради развлечения. Игра становится добрым и нужным делом. Это очень важный ориентир для всех, кто будет участвовать в конкурсе журнала. И еще необходимо, чтобы ребята могли сами от начала до конца подготовить и провести игру. А если придумается новая интересная игра, «Костер» поможет играть в нее ребятам всей страны.

С. В. САХАРНОВ: Вообще, опыт телевидения, это первое, что приходит в голову. Скажем, «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?» или «Клуб веселых и находчивых». Вероятно, какие-то подобные игры-соревнования можно придумать и проводить в отрядах и дружинах. Вот одна из возможных дорожек. Лучше, конечно, придумать совершенно новые. Иной раз можно идти прямо от названия игры. Мне в голову приходит сейчас игра с условным названием «Я умею. Можешь ты?», где ребята состязаются в каком-то умении. А вот еще: «Я знаю, ты знаешь, он знает». Хорошее название для игры по типу викторины, в которой две или три команды соревнуются в знаниях. Игры нужны разные, чтобы сделать производительнее труд, содержательнее отдых каждого из вас, ребята.

Л. Н. ТИМОФЕЕВА: Удачи вашему конкурсу! Победителей Центральный Совет пригласит для участия в IX Всесоюзном слете пионеров. Хорошие же игры станут достоянием всех ребят страны.

1. Журнал «Костер» объявляет конкурс на лучшего изобретателя и организатора пионерской игры для звена, отряда, дружины.

2. Придумывать и разрабатывать правила игры можно и одному, можно и вместе с друзьями, вожатыми. Но в придуманную игру необходимо сначала поиграть у себя в школе, во дворе или пионерском лагере. Ее условия и рассказ о том, как она прошла, мы ждем от вас не позднее 15 апреля 1987 года.

3. Победители конкурса будут приглашены на IX Всесоюзный Слет пионеров, который состоится в Артеке в августе этого года. Остальных участников — авторов интересных игр жюри конкурса наградит дипломами и подарками.

«Не надо было никуда бежать, не надо было искать обетованную землю. Она была здесь, около нас. Ее надо было только выдумать. Я уже видел ее в темноте. Вон там, где дверь в уборную,— пальмы, корабли, дворцы, горы...

— Оська, земля! — воскликнул я, задыхаясь.— Земля! Новая игра на всю жизнь!

...Страна наша стала называться «Швамбрания», а мы — «швамбранами». Все это должно было сохраняться в строжайшей тайне.

Первую карту Швамбрании начертил Оська».

Л. Кассиль
«Кондуит и Швамбрания»

УСТАВ
ТОВАРИЩЕСТВА
ВОИНСТВУЮЩИХ
ТЕХНИКОВ

«Товарищество воинствующих техников объявляет независимость от домашних вещей.

Для этого члены ТВТ обязуются:

1. Следить за вещами и устранять все мелкие их неисправности своими руками.

2. Если кто-то из членов чего-нибудь сам сделать не сумеет, он обязан обратиться к своим товарищам.

3. И только тогда, если и товарищи помочь не сумеют, член товарищества имеет право обратиться в мастерскую».

Толя взобрался на парту и прочитал Устав.

— Будем голосовать. Кто...»

Я. Мавр «ТВТ»

КОНКУРС-ИГРА

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕНИНГРАДСКОГО МАЛЬЧИКА ГЕРМАНА ПОПОВА 1941—1944

Начало см. на стр. 18

28 октября. Четвертый раз выпал снег. У меня есть лыжи. Я хотел на них учиться, но папа сказал, что снег еще небольшой и кататься не стоит, пока не будет большой снег. Потом папа сказал, что если завтра будет такой же снег, как сегодня, учиться кататься можно.

В 18.27 тревога. Я быстро оделся и побежал в газоубежище. Как только вышел во двор, услышал взрыв фугасной авиабомбы. Я прошел через толпу людей у газоубежища и проник туда. После тревоги я увидел зарево от пожара. Я позвал Вову, Витю и Шуру. Они посмотрели. Витя сказал: «Наверное, кидали бомбы». Тут Шурик закричал: «Сигнализация!» И верно: на Коломенской улице мигало окно. Миг, миг! Через минуту снова — миг, миг... Стали звать милиционера Балабанова и управхоза. Наверное, в этой квартире есть немецко-фашистский шпион!

2 ноября. Тревога. Дневных тревог давно не было!

На многих участках Западного фронта продвижение немецких войск приостановлено, фашисты на этих участках приступили к обороне.

Послал на фронт красноармейцу письмо вместе с посылкой. От меня я послал свой шарф. Теперь буду ждать от бойца ответ.

4 ноября. Днем была одна тревога. Я остался дома, потому что писал изложение. Когда кончил писать, пошел в газоубежище. Минут через пять приходит папа и говорит: «Наши зенитчики сбили немецкий самолет». Сразу посыпались вопросы: «Где он упал? Как его подбили?» Самолет взяли с четырех сторон зенитки. Он загудел и быстро стал падать. Этот бомбардировщик сбросил одну бомбу. Но одна птица-стервятник готова! Зенитчики — герои!

6 ноября. Очень плохо, что небо почти чистое.

Я шел с мамой на Невский. Вдруг загудели самолеты, и четыре истребителя пролетели за дом. Потом что-то затарахтело. Очень похоже на пулеметную очередь.

На немецких листовках писали: «Седьмого ноября Сталин даст вам больше хлеба, а мы шестого дадим вам огня». Да какого они огня нам дадут? Потеряют самолетов 4—5 и скроются в облаках. А потом, не жалея горючего, ну удирать восвояси. На земле немцы боятся штыка, а в воздухе наших «ястребков». Немецкие «мессершмитты» немного лучше наших, но фашистские летчики трусливы. Один наш летчик вступил в бой с тринадцатью «мессершмиттами» и победил. Пусть фашисты как ни грозятся «дать нам огня», но мы победим!

7 ноября. В этот день 24-я годовщина Великой Октябрьской революции.

Стреляют из дальнобойных орудий. Снаряды рвутся недалеко.

На торжественном заседании 6 ноября в честь 24-й годовщины Октябрьской революции выступал И. В. Сталин.

Разрываются и свистят снаряды. Папа говорит, что сейчас стреляют с наших кораблей на Неве. Но и немцы тоже бьют по Ленинграду. Снаряды разрываются, кажется, близко.

8 ноября. В ночь тревог не было. Стреляют.

Катался на лыжах. Уже получается. У меня были Саша, Вова и Шурик. Играл с Сашей в игру «Бой эскадр».

Вчера в Москве был парад на Красной площади. Сталин выступал перед парадом. Около Москвы идут упорные бои, а парад устроили! Наши самолеты не участвовали в параде, а охраняли его. Очевидно, под охраной истребителей делать парады не страшно.

По радио сказали: «Артиллерийский обстрел района». Я быстро побежал в газоубежище. Снаряды свистели и рвались. В газоубежище меня застала тревога. Это было в 16.50. Сразу же стали сильно палить из зениток. Сбросили подряд 5 бомб! Веренгоф из 10-й квартиры стало худо. Все стали искать аптечку. В убежище вошел Шурик. Он сказал: «Меня откинуло взрывной волной! Я шел по проходу, вдруг взрыв. Меня стукнуло о стенку. На меня упала Веренгоф». Я подумал: «А как же у нас стекла?» Потом пришли со двора и сказали, что стекла в 8-й и 9-й квартирах целы, а в 6, 7 и 10-й немного побиты. Ну, уж если сказали «в девятой стекла целы», значит, у нас стекла не выбиты.

11 ноября. Ночью была тревога. 12 часов дня. Тревога. До нее стреляли из зениток. Уже второй раз обстрел района. Что-то сегодня немцы очень бесятся.

Сейчас при обстреле по радио передают концерт. Почему? Вот, например, где-нибудь обстрел. А в других (необстреливаемых) районах людям хочется слушать радио. А оно не говорит. Как же быть? Вот для этого при обстреле одного района радио говорит для других.

14 ноября. Наконец получил долгожданное письмо из действующей Красной Армии. Пишет мне боец Владимир Андреевич Бондаренко. Он пишет, что крепко будет бить фашистов. Когда разобьет немцев, он заедет ко мне. Он пишет, чтоб я вместе с пионерами своей школы помогал фронту. Он ведь не знает, что я еще не пионер и что занимаюсь с папой.

Окончание следует

Перед железнодорожным вокзалом в Экибастузе на постаменте установлен ковш экскаватора. Именно этим ковшом тридцать три года назад загрузили первый эшелон экибастузского угля.

А год назад от этой станции отошел поезд длиной шесть с половиной километров и весом сорок три тысячи тонн! Такой груз еще никогда не перевозили по железной дороге, считалось, что он под силу только современному морскому судну-рудовозу.

ПЕРЕД СТАРТОМ

В Северном Казахстане уже неделю бушевала метель. Студеный ветер швырял пригоршни снега, термометр показывал 35° мороза. Снег сплошной пеленой покрывал рельсы и шпалы, плотно забивал стрелки. На уборку снега были отправлены мощные железнодорожные снегоочистители, вышли сотни людей.

В эти дни все работники Целинной дороги с особым вниманием прислушивались к сообщениям синоптиков — решалась судьба рекорда, на подготовку которого ушли многие годы. И вот до отправления экспериментального супертяжеловесного состава — всего сутки... Одни проверяли исправность вагонов и механизмов, другие наполняли углем 440 вагонов — именно столько их будет в эшелоне. По участку дороги Экибастуз-Целиноград прошел специальный вагон-дефектоскоп. Чуткие приборы «прослушивали» рельсовый путь. На одном перегоне обнаружили рельс с изъяном и немедленно его заменили. Что и говорить, уйму работы пришлось переделать людям за двадцать четыре часа до старта!

ЗА ШКОЛЬНОЙ ПАРТОЙ — МАШИНИСТЫ

Обычный грузовой поезд ведут двое — машинист и его помощник. Экипаж тяжеловесного поезда — шестнадцать человек. Сейчас они все сидят за учебными столами.

Еще в Москве ученые создали математическую модель экспериментального поезда и предложили компьютеру подобрать минимальное число электровозов, нужное для его перевозки, и их расстановку в самом составе. ЭВМ предложила: четыре локомотива — один в голове поезда, остальные — вдоль состава через равное число вагонов.

Уже пять часов в этом учебном кабинете «едут» машинисты с помощью электронно-вычислительной машины.

Руководитель эксперимента диктует:

— На следующем перегоне... Внимание! Головная машина пошла на подъем... Вторая огибает кривую, возможен боковой ветер... Третья миновала разъезд... Хвост поезда скатывается... Значит, четвертый локомотив идет без тяги, готов к торможению, иначе середину состава может «выдавить» с пути... Записали? Еще раз повторяем действия экипажа на этом участке!

ПОЕХАЛИ!

На экране электронных часов, вмонтированных в пульт диспетчера станции Экибастуз загорелись цифры: «7.09», и тут же в селекторе прозвучал голос:

— Докладывает осмотрщик вагонов Рябицкий. Только что закончили полную пробу тормозов!

Диспетчер нажал кнопку, и из динамиков, установленных на станции, разнесся его голос:

— Машинисту поезда номер один разрешаю отправиться с седьмого пути на соединение с поездом номер два!

От станции до следующего разъезда — восемь километров. Этот участок и был выбран для стыковки отдельных частей сверхтяжеловесного поезда в единую шестикилометровую громаду. Машинисты проверили радиостанции, а связисты протянули кабель вдоль всего состава, установили телефонные аппараты.

— Приготовились! — объявил по связи штурман экипажа.— Первым трогается четвертый электровоз! Сразу за ним — третий! Затем — второй и первый!

Непривычно, но по-другому нельзя. Если сначала даст ход первый электровоз, может произойти обрыв состава. А так — задние вагоны как бы подпирают передние.

— Поехали!

— Есть «поехали»!

— Напряжение,.. скорость,.. ток в сети... Перегрузок, болтанки не чувствую...

— Все отлично!

— Пошел, родной, пошел!

После долгого бурана особенно ясно светит зимнее солнце. Под его лучами далеко вокруг просматривается отполированное ветрами слепящее снежное пространство — словно белое море вдруг застыло, не успев разгладить на своей поверхности легкие гребешки волн.

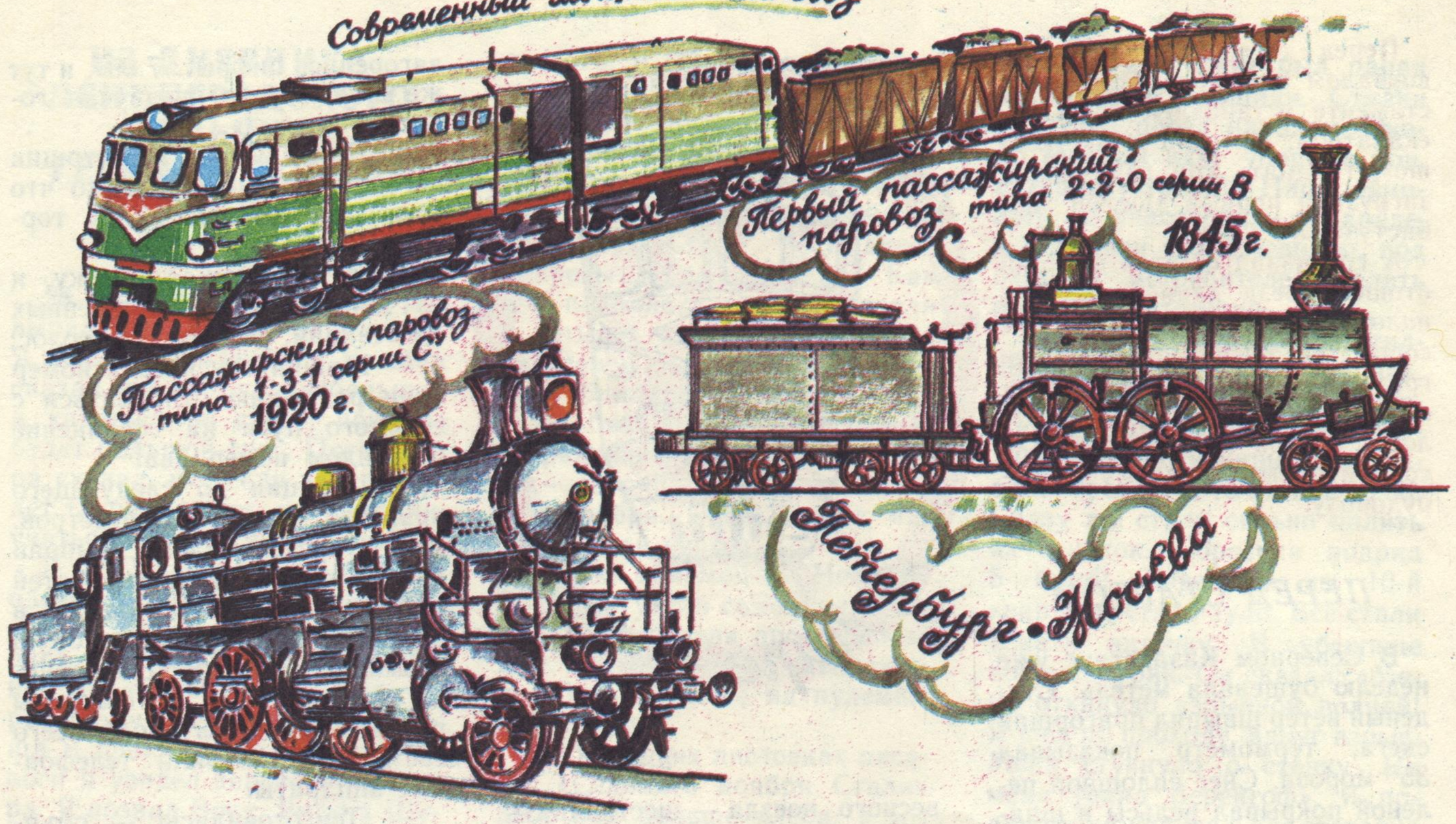
— Четвертый, больше нагружай машину,— командует штурман.

— Понял, командир.

В нынешней поездке управлять замыкающей машиной так же трудно, как и головной.

— Первый! Говорит третий. У нас вышла из строя одна секция!..

Секцией в локомотиве называют двигатели одной колесной

тележки. Всего их в электровозе — четыре. И сразу состав потяжелел на три тысячи тонн. Те самые, которые полагалось тянуть неисправной секции.

Но поезд упорно лезет и лезет вверх на затяжной подъем. Полукольцом обнимает долину с незамерзающим соленым озером, вытягивается по его берегу. Только в этом месте, единственный раз за всю дорогу удается увидеть с головной машины хвост поезда!

Вот и станция Эрментау! Половина пути пройдена. На холме рядом с дорогой стоит кинооператор, помощник, лежа на земле, держит его за ноги, чтобы не сдуло ветром. По склону бегут мальчишки, стараясь занять места, удобные для наблюдения, и тут же начинают считать вагоны: «Один, два, три,.. сорок пять,.. шестьдесят три,.. сто семьдесят...» Фу-ты! Сбились со счета! В глазах начинает рябить, гул стоит от бесконечного перестука колес, а вагоны все катят и катят. Гудят, стонут рельсы, тысячетонная махина поезда все идет и идет мимо. Наконец скрылся из виду последний вагон. Десять минут продолжалось необычное завораживающее зрелище. Смотрит вслед поезду кинооператор, у которого не хватило пленки в аппарате, чтобы заснять движение самого длинного в мире поезда, а уже гаснет вдали огонек последнего вагона.

Только бы проскочить перегон от Едыге до Еркеншилика! Затяжные спуски, крутые подъемы — здесь дорога идет через горы. На некоторых участках голова поезда оказывается на десять метров ниже хвоста!

На одном из разъездов зловеще загорелся красный сигнал! Рука штурмана мгновенно оказалась на рычаге тормозного крана. И тут же он вспомнил строжайший приказ: на сигналы светофоров не реагировать! Впереди в трех километрах идет контрольный электровоз, случись что — с него сообщат, как поступить. У любого машиниста вырабатывается рефлекс: немедленно тормозить при красном сигнале, но сейчас это совершенно недопустимо, ведь задние вагоны по инерции продолжали бы мчаться!..

Позже, на разборе рейса выяснили, что буран все-таки испортил один из приборов, управляющих сигналами светофора...

Последние километры пути. Пришлось сбавить скорость — началась пурга.

— Всем быть на приеме! — объявил штурман по рации.— Сначала тормозит четвертый, затем — третий, второй...

ЗАЧЕМ НУЖНЫ РЕКОРДЫ?

Когда речь идет о спорте — все ясно: чтобы определить возможности человека в скорости, выносливости, силе.

А в технике?

Ведь, как вы уже знаете, этот рекордный состав даже не помещался на станционных путях.

Спортивные рекорды через несколько лет становятся нормой перворазрядника. Но станут ли такие тяжеловесы обычным делом на наших дорогах?

Специалисты отвечают определенно: да, поезда большой грузоподъемности со временем должны завоевать железную дорогу, потому что для перевозки такого же количества угля понадобилось бы не четыре, а семь электровозов и втрое больше времени.

Такие сверхтяжеловесы сразу же в несколько раз увеличат пропускную способность дорог. А вести состав будут не шестнадцать, а два — три человека с помощью компьютера, который сам выберет правильный режим.

М. БУЛАНЖЕ
Рисунки А. Старостина

ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Мы пришли к дочери известного революционера Ивана Кадомцева Зинаиде Ивановне Кадомцевой в апреле, в день Ленинского субботника. Она сказала:

— Смотрите фотографии,— положила на стол старинный альбом в прочном кожаном переплете, а сама ушла во двор, и мы видели в окно, как эта пожилая женщина вместе с жильцами дома собирала прошлогодние листья, ветки деревьев, приводила в порядок старый московский двор.

Но без хозяйки альбом молчал. Мы едва дождались, когда она вернется, и тогда фотографии заговорили.

Уфа, где жила семья Кадомцевых, до революции была далеким от центра, окраинным городом. Туда часто отправляли политических ссыльных. Детей в семье Кадомцевых, как во многих татарских семьях, было много, тринадцать. Старший брат Ивана, Эразм, выбрал дорогу профессионального революционера и, зная, что в революции не миновать вооруженной борьбы, окончил военное училище и стал офицером. Сестра Инна тоже была членом большевистской партии, ходила на нелегальные собрания рабочих, распространяла листовки.

Иван сызмальства решил стать революционером. Закалял себя, чтобы не бояться холода, ходил в дальние походы, чтобы стать выносливым, вырабатывал в себе смелость, чтобы не дрогнуть в трудный час.

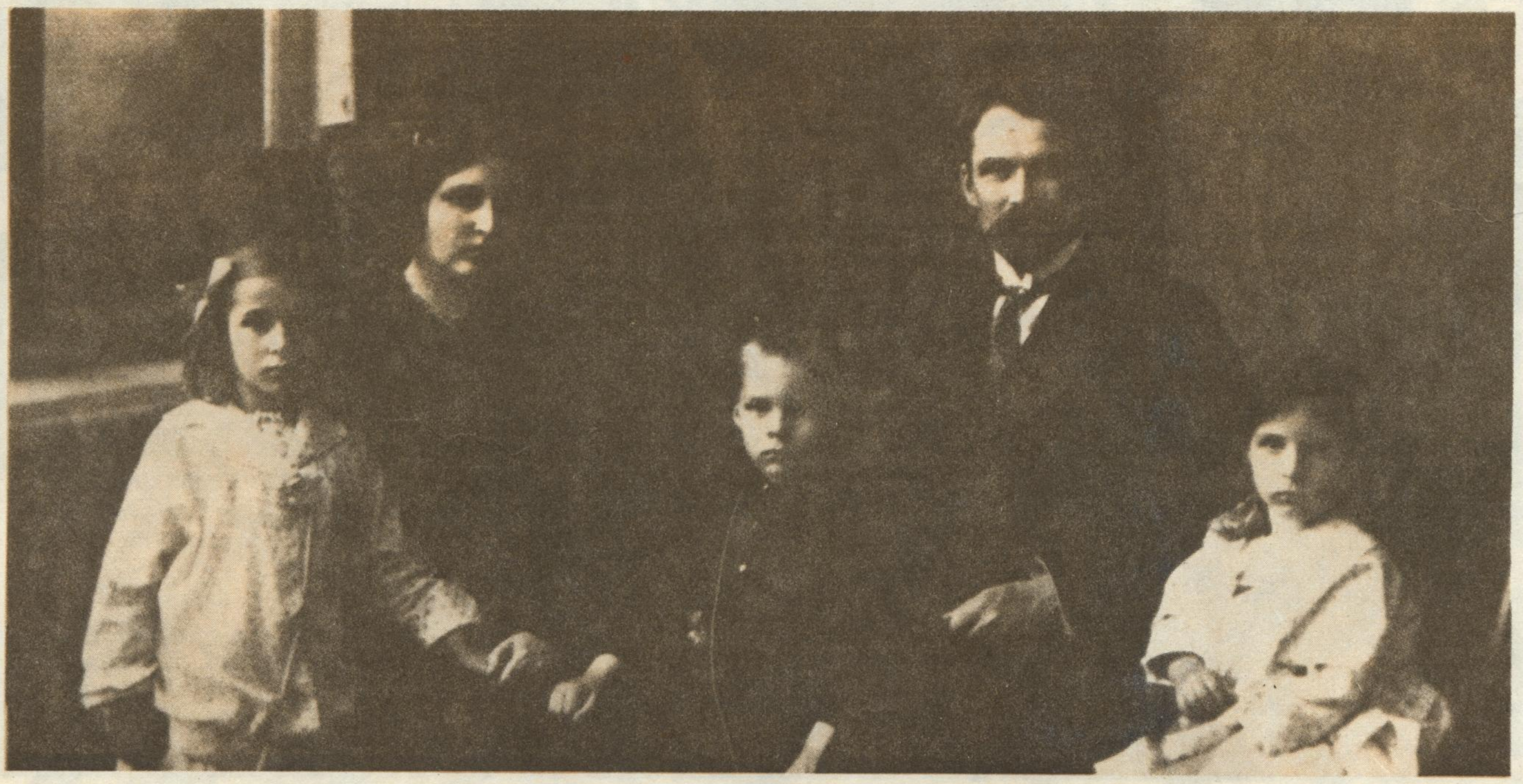
В 1905 году двадцатилетний Иван Кадомцев был уже членом Уфимского комитета РСДРП, вожаком уфимской молодежи. Вместе со старшим братом Эразмом он стал организовывать боевые дружины рабочих. Трудное это было дело, требовало смелости и осторожности. Незаметно, небольшими группами боевики собирались на берегу реки Белой, переправлялись на лодках и уходили в лес. От неожиданного нападения полиции их защищала бдительная охрана. На лесных полянах молодые рабочие учились стрелять из винтовок и маузеров, точно кидать бомбы, обучались сомкнутому и рассыпному строю, учились строить баррикады.

Вместе с братом Иван разработал Устав Боевых организаций народного вооружения. На основе этого устава на уральских заводах в Аше, Симе, Миньяре, Садке, Усть-Катаве, Златоусте, Нижнем Тагиле, Перми, Екатеринбурге были организованы рабочие дружины.

В дальнейшем большевики Петербурга и других городов переняли опыт уральских товарищей. Одобрил его и В. И. Ленин.

В октябре 1905 года началась настоящая боевая работа Ивана. После обнародования царского манифеста о даровании политических свобод, колонна рабочих Уфы пошла с красными флагами в Ушаковский парк на митинг. Но на одной из улиц города путь колонне преградила цепь солдат, отряды пешей и конной полиции. Полицмейстер зычно закричал:

— Разойдитесь, стрелять будем!

Иван Кадомцев с семьей. Фото 1916 года. Публикуется впервые

Эразм Кадомцев, один из организаторов боевых дружин на Урале

Колонна дрогнула, попятилась.

Но в этот момент Иван Кадомцев подал свою команду:

— Дружинники, вперед!

Перед солдатами и полицией плечом к плечу встали вооруженные боевики.

— Огонь! — заорал полицмейстер.

Но ни солдаты, ни полиция стрелять не решились.

Чтобы навести порядок, на пролетке прискакал разгневанный губернатор Уфы. Увидел большую колонну демонстрантов, увидел решительных, готовых драться боевиков, увидел нацеленные на него стволы винтовок, приготовленные к метанию бомбы... и струсил. Губернатор отпустил полицию, велел солдатам уйти в казармы и тут же дал обещание освободить из тюрьмы политзаключенных. Так боевые дружины Уфы одержали одну из первых побед.

Большевистской организации Урала была остро нужна типография, чтобы издавать свою рабочую газету. Но для этого понадобился типографский шрифт, а достать его никак не удавалось. Эту сложную операцию поручили Ивану Кадомцеву.

Иван завел связи с наборщиками губернской типографии, изучил все подходы, план и даже сумел устроить на работу туда одного из своих боевиков. Когда все было готово, предупредил рабочих. Боевики

Михаил Гузаков, руководитель боевых организаций Симского завода. Приговорен царским судом к смертной казни

появились внезапно. Мгновенно связали охранников, оборвали телефоны. Приготовленные рабочими шрифты сложили в ящики и погрузили на подъехавшую к крыльцу телегу. Вся операция прошла в считанные минуты. Когда примчалась полиция, то ящики со шрифтами были уже далеко. Иван так много достал шрифта, что часть его даже отправили в

Обучение боевиков стрельбе

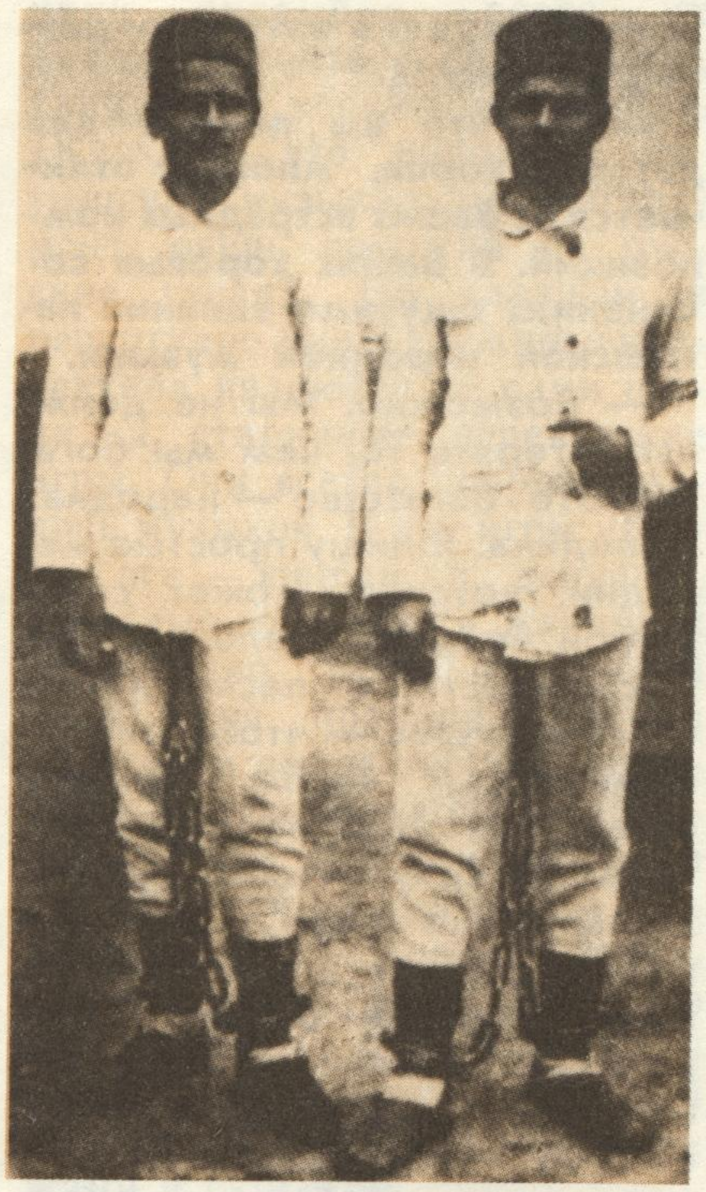
подпольные типографии других городов.

Никто из боевиков во время операции не пострадал, да и с другой стороны не было жертв. Когда рядом с Иваном говорили о смелости, он молчал, а когда начиналась боевая операция, он в самой сложной ситуации не терялся и умел принять неожиданное решение.

На созыв V съезда партии, расширение тиража газеты «Казарма» нужны были деньги. Боевики во главе с Иваном Кадомцевым получили задание — экспроприировать из царской казны средства, которые вез почтовый поезд. Денег было много, но и охрана усиленная.

Ночью, на одном из перегонов боевики остановили поезд, ворвались в вагон, где хранились деньги, и обезвредили часовых. Боевики схватили баулы с деньгами и исчезли. В операции ни один из них не был даже ранен.

Полиция и шпики охотились за Иваном Кадомцевым. Однажды зимой, дом, куда он вошел, был окружен полицией. Казалось — арест неминуем. Иван поднялся на второй этаж, выглянул в окно и увидел поджидающего его стражника. Ударом ноги Иван выбил раму и тотчас прыгнул сам. Стражник отпрянул, а Ивану хватило этой минутной растерянности полицейского, чтобы перемахнуть через забор и скрыться на другой улице.

Боевик Павел Гузаков /слева/ и И. Марков в Тобольской каторжной тюрьме. Осуждены за вооруженное восстание на Симском заводе. Фото публикуется впервые

Чтобы избежать ареста, Иван Кадомцев с семьей эмигрировал за границу. В Женеве встречался с Лениным, по его рекомендации ездил на Капри, к Горькому, и рассказывал о революционерах Урала. Горький тогда собирался написать продолжение романа «Мать» под названием «Сын» и собирал для него материал.

Вернувшись на родину, Иван принял участие в революции. В бою за Кремль был ранен, уехал лечиться в Уфу. Там занимался национализацией Бельского речного флота, простудился и в январе 1918 года умер.

Большинство рабочих, прошедших в свое время подготовку в боевых рабочих дружинах, стали костяком Красной гвардии на Урале, составили ядро легендарной армии Блюхера.

А. ГОСТОМЫСЛОВ,
И. КАРУСЕВА,
научный сотрудник Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТОВ

В прошлом году к нам обратились школьники деревни Мориахалом Венгерской Народной Республики. Они просили помочь разыскать родственников советских воинов, погибших во время Великой Отечественной войны и похороненных на их земле. Сообщение об этом было опубликовано в «Костре» № 6—7, 1986 г. На просьбу венгерских пионеров откликнулись красные следопыты «Костра».

И вот — поиск закончен. Найдены родные и близкие воинов 116-го стрелкового полка — Злобина Ивана Савельевича, Лавреки Наума Ивановича, Пышного Ивана Иосифовича и Задираки Дмитрия Тимофеевича.

Всесоюзный штаб красных следопытов благодарит всех пионеров, принимавших участие в этом поиске, а также начальника Степновского районного отдела внутренних дел подполковника милиции В. И. Дудникова, военного комиссара Степновского райвоенкомата Ставропольского края майора Шерстнева, начальника Северского районного отдела внутренних дел Краснодарского края капитана милиции А. Н. Сергеева, начальника Татарбунарского районного отдела внутренних дел Одесской области капитана милиции А. О. Гудзь, начальника паспортного стола Устиновского районного отдела внутренних дел Кировоградской области М. Комар.

МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ПОТЕРЯТЬ ТО, ЧЕМ МЫ БОГАТЫ

В гостях у «Костра» народный артист СССР композитор Раймонд ПАУЛС

— Раймонд Вольдемарович, в последние годы Вы много пишете музыки для детских хоров. Чем это объясняется?

— Я — эстрадный композитор, но мне интересна также и хоровая музыка. Сейчас, когда многие в музыке увлекаются электроникой, острыми ритмами, есть масса людей, которые хотят слышать что-то другое, более естественное. Все-таки, в современной музыке многое зависит от техники, не правда ли?

И вдруг — представьте себе! — просто человеческий голос, без микрофонов и усилителей, детский голос, много детских голосов, создающих совершенно особое, неповторимое звучание. Меня это привлекает, поэтому сотрудничаю с хором мальчиков Рижской музыкальной школы. Эта работа очень важна для меня. Я могу проверить себя совсем в другом жанре. Кроме того, я работаю на радио — и тоже с детским ансамблем, причем входят в него дети разных возрастов.

— То, что Вы пишете для детских хоров, многим отличается от Ваших эстрадных композиций. В Ваших хоровых сочинениях ощутимо влияние латышской народной музыки.

— Возможно. Мы не должны потерять то, чем мы богаты. Это богатство — народная мелодика. Я пишу простые мелодии, которые может спеть любой человек. Дело ведь не в сложности, в песне нужно совсем другое — чтобы она запомнилась, чтобы звучала естественно. Как народная музыка. Я хочу, чтобы ребята-хористы, которые поют мои песни, делали это с увлечением, искренне. Значит, музыка тоже должна быть искренней, иначе ничего не получится. Повторяю, народная мелодика — великое богатство. Она есть у любого народа — у русского, армянского, эстонского. Она пережила столько веков, мы должны хранить ее, как жемчужину...

— Сейчас в нашей стране появляется много фольклорных ансамблей, в том числе и детских...

— Это очень нужное дело! Мы мало знаем о настоящей народной музыке. Кое-что, конечно, сохранилось, благодаря тем, кто когда-то ходил по Латвии — от хутора к хутору и собирал, изучал древнюю музыку. К сожалению, очень долгое время на народное пение смотрели как-то свысока. Мы много, очень много потеряли...

Я вспоминаю эпизод из фильма Никиты Михалкова, где женщина поет русскую народную песню, колыбельную, а девочка в это же время в наушниках слушает «АББУ». Никто не против «АББЫ» или какой-нибудь другой популярной рок-группы, но забыть свое, народное... я думаю, это преступление.

— Раз уж речь зашла о рок-группах... В нашем разделе есть рубрика «Советы начинающим». Что бы Вы посоветовали школьному ансамблю, который хочет играть популярную музыку?

Мои пожелания читателям журнала «Костёр»

Р. Паулс

— Есть период, с которого все начинают,— с подражания. У всех есть магнитофоны, все слушают лучшие ансамбли. И не только лучшие, а и плохие тоже. Магнитофоны, пластинки очень влияют на юных музыкантов, и вот они уже решают: «Пойдем по этому пути и все!» Но как подражать? Ведь даже для того, чтобы подражать кому-то, надо уметь владеть инструментом или голосом. А часто ведь как бывает? Выучат три — четыре песенки и сразу начинают думать, что вот сделаем концертную программу, будем выступать, в школе все кричат «ура» и так далее...

— Недавно в «Костер» пришло письмо от музыкантов начинающего ансамбля. Они как раз пишут, что недавно начали репетировать, но собираются в самом ближайшем будущем давать концерты, выступать в клубах, а вырученные деньги перечислять в Фонд мира.

— Ну вот видите! При такой спешке ничего путного не получится. А многие этого не хотят понять. Если мы учимся играть на рояле, нам надо лет пятнадцать, чтобы достичь приличного уровня мастерства. Это известно. А про гитару почему-то принято думать, что за два — три месяца можно научиться играть. Нет, гитара это такой же сложный инструмент.

— А барабаны!

— И барабаны. Вообще, нет легких инструментов! Надо уметь владеть любым инструментом, надо учиться владеть голосом. И уже потом, когда у тебя будет школа, можно начинать разговор о стиле, в котором ты хочешь играть.

Легкая музыка — это очень серьезное дело!

Вел интервью А. ГУНИЦКИЙ

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

ПЕСНИ — ИГРЫ

Они пели и улыбались. Они — это ребята из фольклорного ансамбля при Рижском Дворце пионеров. Все участники ансамбля — всего их двадцать пять — сами поют, танцуют и играют на куокла. (Куокла — это народный латышский музыкальный инструмент, очень похожий на русские гусли). Но главным в репертуаре этого дружного коллектива являются не сами песни, а старинные деревенские игры. Они всегда сопровождались музыкой. В эти игры играли все — юноши и девушки, взрослые мужчины и женщины и, конечно, дети. У каждой игры свои правила — иногда участники водят хоровод, иногда — выстраиваются цепочкой — как в «ручейке», или разделяются на два хора и становятся друг против друга. Почти любая игра, будь то «Жеребенок» или «Сапожная жига», напоминает маленький спектакль со своими персонажами и сюжетом.

Сознаюсь, сначала у меня мелькнула мысль, что все это, конечно, здорово — старинные деревенские забавы, и хороводы, и куокла. Но только в нашу эпоху компьютерных игр, дискотек, электронной музыки найдутся ли желающие смотреть фольклорное представление?

«Мы очень много выступаем,— сказала художественный руководитель ансамбля Марите Осе,— объездили буквально всю Латвию. А летом 1986 года побывали на гастролях в Болгарии. Нас везде очень хорошо принимают. Особенным успехом пользуются наши сельские игры...»

Ансамбль работает уже много лет. А принимают в него всех, кто захочет. Никаких особых требований. Главное, чтобы было желание и музыкальный слух.

И я подумал, что этим ребятам можно позавидовать. И вот почему: теперь нетрудно найти себе занятие по душе, миллионы их сверстников занимаются в эстрадных, хореографических, хоровых кружках. Но они выбрали фольклорный ансамбль. И помимо радости от постоянного общения с музыкой, они ощущают особое чувство ответственности. Это видно было буквально во всем, в каждом движении, поклоне, взгляде. Что это за ответственность?

Вот что ответила мне одна из главных солисток Ильза Розенберг, когда я спросил, почему она занимается именно в этом ансамбле:

— Очень важно, чтобы сохранились все эти песни, которые пелись в старину, чтобы мы не забыли нашу древнюю культуру, нашу историю.

И все остальные согласились с ее словами.

А напоследок мне показали «чертов» барабан. Им оказалась высокая, кривоватая палка, к которой были прикреплены несколько бубенчиков,— настоящий дорожный посох. Он меньше всего напоминал обычный барабан, да и играют на нем иначе: ударяют нижним концом в землю, для того, чтобы подчеркнуть ритм. Ребята, особенно мальчики, «играют» на нем с удовольствием. Ведь смешной «чертов» барабан — это тоже частичка национальной культуры.

О. ВАЛЬКО

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

Тридцать пять учеников орджоникидзевской детской музыкальной школы имени П. И. Чайковского — авторы детской оперы «Доктор Айболит». Ребята сами написали и музыку, и либретто. Исполнили они оперу тоже сами. А помогли им артисты Северо-Осетинского музыкального театра.

В одном из классов пензенской школы № 10 зазвучал настоящий орган. Играл на нем учитель пения В. М. Кондрашов, который вместе с ребятами отреставрировал этот инструмент, сохранившийся у старожилов города.

Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила пластинку детских песен эстонских композиторов. Исполняет их семиклассник из Тарту Тоомас Уйбо. Тоомас — лауреат республиканского конкурса юных вокалистов.

В 813-й московской школе организован школьный оперный театр. На его счету уже несколько постановок. Среди них — «Гуси-лебеди», «Муха-Цокотуха», «Стрекоза» и другие. Солистка театра — семиклассница Ира Костарева.

КАК СОЗДАВАЛСЯ „ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ"

1532 год. Шумит ярмарка во французском городе Лионе, который славится ремеслами, университетом и книгопечатанием. В пестрой многоязыкой толпе обращает на себя внимание человек — худое лицо, борода, прядь волос выбивается из-под берета на широкий лоб, внимательные и в то же время грустные глаза. Кто же он? О-о, про него ходит много легенд: говорят, это знаменитый врач, приехавший читать лекции по анатомии; идет молва, что он (даже произнести страшно!) сам анатомировал труп повешенного; а еще рассказывают, что он беглый монах.

Человек тем временем останавливается у одной из лавочек, где бойко идет торговля книгами. Что предлагают? Вот, например, маленькая книжечка с длиннющим названием: «Великие и бесценные хроники великого и преогромного гиганта Гаргантюа...» Человек в берете останавливается и берет книгу в руки.

На самом деле все, что шептали ему вслед на ярмарке,— чистая правда. Он, действительно, славится как искусный врач, да к тому же занимается всеми известными науками, одних языков сколько знает — не счесть. Его зовут Франсуа Рабле, и до последнего времени он работал в Парижском городском госпитале — в том самом, где было по 200 человек в палате. Теперь он бакалавр медицины, но то, что он беглый монах,— это тоже правда. Так чем же могла заинтересовать его эта пустая книжонка про обжору-короля?

Как ни странно, он и сам пишет такие книжки — берет заказы у лионских печатников и сочиняет что-нибудь для продажи на ярмарке. Недавно выпустил «Пантагрюэлистическое пророчество». Правда, это пророчество было не таким, какими обычно торгуют на базарах. «В этом году,— писал Рабле,— слепые не прозреют, глухие не прослышат, немые не заговорят, богачи заживут лучше бедняков». Уже тогда стало ясно, что, кроме познаний в медицине, кроме способностей к языкам, у знаменитого врача есть еще одно качество, еще один верный помощник — смех.

И вот в том же 1532 году Рабле выпускает новую книгу, в которой использует народные рассказы о великанах-королях. Называлась она «Устрашающие и ужасающие деяния и подвиги знаменитейшего Пантагрюэля». Книгу сразу же заметили: в следующем же году богословский факультет Сорбонны осудил ее, и автору стала грозить опасность угодить в тюрьму.

Откуда же он взялся — этот странный человек? Считают, что он родился в 1494 году в маленьком французском городке Шиноне. О том, кем был его отец, легенда говорит разное — аптекарем, содержателем кабачка, адвокатом. Известно только, что лет семи Франсуа отдали в монастырь.

В монастыре не разрешалось заниматься науками, запрещалось даже читать книги, кроме богословских. Скоро ему стало ясно, что в монастырях ему не жить, и Франсуа Рабле бежал. Только через много лет, будучи доктором медицины, он получит у папы римского прощение за этот поступок, а до этого времени он был как бы вне закона.

Но он ничего не боялся. В течение двадцати лет он писал невероятную книгу, каждая из пяти частей которой подвергалась запрету за дерзкое свободомыслие. Не раз ему приходилось скрываться — ведь за любую из четырех частей книги его могли послать на костер (пятая вышла уже после смерти Рабле). Но он упорно возвращался к своим Гаргантюа и Пантагрюэлю. Так «книжка для продажи на ярмарке» превратилась в дело всей его жизни.

Вторая часть (она стоит в романе первой) вышла уже через два года — в 1534 году — «Бесценная жизнь великана Гаргантюа, отца Пантагрюэля». В этом же году, на несчастье Рабле, случилось вот что: в Париже и других городах на стенах домов появились плакаты с нападками на папу и вообще на католическую церковь. Король был в бешенстве. Церковники всполошились и даже требовали запретить книгопечатание — эту заразу, которая везде сеет преступное свободомыслие. По всей стране запылали костры инквизиции. Рабле пришлось бежать, и он выехал в Италию.

Только через двенадцать лет — в 1546 году — он осмелился опубликовать третью часть книги. Она была напечатана в Париже. Рабле на этот раз рисковал еще больше, чем раньше, ведь буквально за несколько месяцев до этого в столице Франции повесили гуманиста и издателя Этьена Доле. Только заступничество друзей Рабле перед королем спасло его.

Но, несмотря на все гонения, Рабле не сложил оружия, и хотя влиятельных друзей уже не было, через шесть лет — в 1552 году — он выпустил четвертую часть книги. Немедленно парижский парламент подверг ее судебному рассмотрению — темные тучи снова нависли над головой писателя. Теперь вряд ли ему удалось бы избежать тюрьмы или, хуже того,— костра. От этого его спасла кончина: в следующем, 1553 году Франсуа Рабле умер.

И вот перед нами объемистый том «Гаргантюа и Пантагрюэль» — книга, над которой Франсуа Рабле работал двадцать лет. Откроем ее и мы увидим панораму жизни Франции XVI века. Здесь есть все: все слои общества, все занятия, все профессии, от королей до крестьян. И главное — смех. Рабле смеется над трутнями-аристократами, монахами, тупыми судьями, бессмысленными учеными-схоластами, над королями, которые мечтают завоевать весь мир. Он громит все старое, отжившее, все, что мешает человеку вздохнуть свободно.

Не удивительно, что книга Рабле вызывала такую ярость — здесь досталось всем. Вот короли. О них писатель говорит устами Панурга: «Эти чертовы короли здесь у нас на земле,— сущие

ослы: ничего-то они не знают, ни на что не годны, только и умеют, что причинять зло несчастным подданным...» Рабле, конечно, не мог представить себе государство без короля, он верил в просвещенного монарха. Именно такими: мудрыми, добрыми и образованными предстают у него старый Гаргантюа и его сын Пантагрюэль. Реальные монархи были, конечно, далеко не таковы.

А вот судьи. «Я наудачу бросаю кости и решаю дело в пользу того, кому на счастье выпадет больше очков»,— заявляет судья Бридуа, который исправно служил сорок лет и вынес тысячу приговоров.

Не забывает Рабле и о школьной системе, построенной на бессмысленной зубрежке. В результате использования такого метода Гаргантюа за тринадцать лет выучил весь алфавит — от начала до конца и от конца до начала.

Но больше всего нападает Рабле на монахов, сказались, видно, годы, проведенные в монастыре. Монахами он населил остров Звонкий, и единственное, чем они там занимаются,— это бьют поклоны да звонят в колокола. «Монах не пашет землю в отличие от крестьянина,— читаем мы в первой книге,— не охраняет отечество в отличие от воина, не лечит больных в отличие от врача... монахи только терзают слух окрестных жителей дилимбомканьем своих колоколов».

Конечно, Рабле издевается не над религией как таковой, а над церковниками. Народ в те времена искренне верил в бога, но не мог же он не видеть, насколько дела «святых отцов» отличались от их слов. Они исповедовали бедность, а сами жили в роскоши, призывали к добру и занимались неблаговидными делами. Поэтому основное оружие Рабле направляет именно против католической церкви.

Но ведь он и сам был когда-то монахом, и знал, что и среди них есть честные, хорошие люди. Вот почему один из его любимых героев, брат Жан Зубодробитель — тоже из тех, кто носит рясу. Но он совсем не похож на тех бездельников, над которыми смеется Рабле: для него счастье — это труд. «Мастерю тетиву для арбалета, оттачиваю стрелы, плету сети... я никогда без дела не сижу»,— говорит о себе брат Жан. Но когда на его родину напали, он, не размышляя, идет на врага. Это настоящий народный герой.

Брат Жан, невозмутимый ученейший Пантагрюэль, старый мудрый Гаргантюа, Панург, остроумнейший насмешник и выдумщик и к тому же очень образованный человек — вот те герои, которых Рабле противопоставляет миру безделья, глупости, косности, нетерпимости.

Герои книги «Гаргантюа и Пантагрюэль» часто смеются, они даже хохочут. Смеется вместе с ними и читатель. А Франсуа Рабле этого и добивался. Именно смех был тем оружием, которым он уничтожал своих врагов и своих преследователей. Смехом он боролся с невежеством и тупостью и утверждал новые светлые идеалы. И вовсе не потому, что не мог бороться иначе, другими способами, а потому, что смех — достояние сильных, добрых и просвещенных людей.

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

В АРЧЕБЕК ПРИНИМАЮТ ВСЕХ!

Ты хочешь получить спортивный разряд по шахматам (ШХМ)? По русским шашкам (РШ)? По международным шашкам (МШ)? **Тогда вступай в АРЧЕБЕК!**

Ты хочешь побеждать своих одноклассников? Стать лучшим игроком (ШХМ, РШ, МШ) школы? **Тогда вступай в АРЧЕБЕК!**

Ты хочешь завоевать приз? Диплом? **Тогда вступай в АРЧЕБЕК!**

А если ты еще не умеешь играть, можешь вступить в АРЧЕБЕК — в особый Отряд резерва, где получишь нужную подготовку.

Все вступившие в эту знаменитую Армию Разведчиков Черно-Белых Клеток будут под командованием шахмат-адмирала Ферзьбери сражаться —

в чемпионате АРЧЕБЕКа (в №№ 1—10),

в конкурсе «Майский приз» (в № 5),

в конкурсе «Я — композитор!» (составление задач, в № 7),

в конкурсе «Первый шаг» (в № 9),

в конкурсе «Новогодний приз» (в № 12).

Победители этих соревнований награждаются!

Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня: бери бумагу (а лучше — почтовую карточку), пиши: «Прошу принять меня...» и т. д. Укажи фамилию, имя, класс, разряд (если есть), свой адрес. И эту заявку отправь в «Костер» — 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

ОТКРЫВАЕТСЯ ЧЕМПИОНАТ-87!

Вот условия Чемпионата АРЧЕБЕКа.

1. Состоятся три турнира — по ШХМ, по РШ, по МШ. Включиться можно в один, в два или в три, но рапорты о выполнении заданий обязательно присылать раздельно.

2. В отборочных состязаниях («Костер» №№ 1—7) нужно набрать 40 очков, чтобы попасть в финал (каждая из 14 задач оценивается пятью очками).

3. Разряд, диплом, приз — все это удастся завоевать в финале (№№ 8—10). Итоги для мальчиков и для девочек будут подводиться отдельно. Подробности о финале — в № 8.

Итак, если ты написал и отправил заявку, можешь вступить в сражение, а шахмат-адмирал Ферзьбери желает тебе успеха!

ЧЕМПИОНАТ — 1-й ТУР

Доблестные разведчики, принимайте боевые задания!

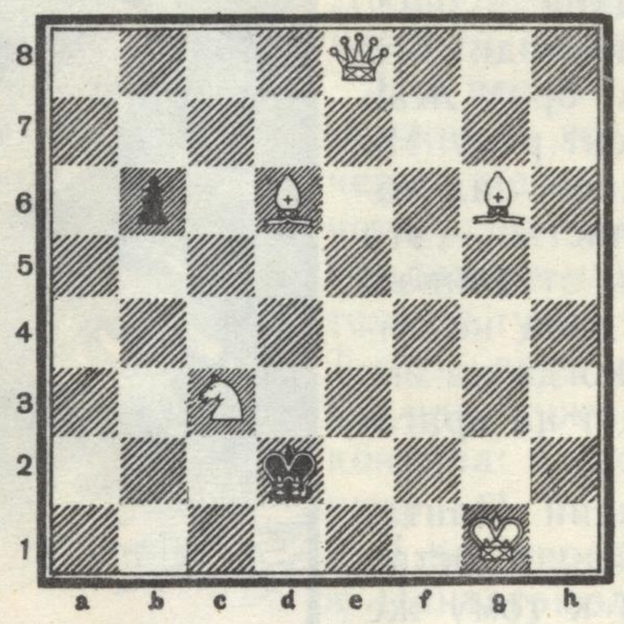
ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крf3, Фс6, Кс2; черные: Крd1, Лс1, Ка1, п.d2.

Б. Белые: Крg7, Фс1, Сс4, п.h7; черные: Крa2, Сb3.

Цель разведки: и в А (А. Андреев, Краснодар) и в Б (Н. Зиновьев, Усть-Каменогорск) объявить черным мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: задание «объявить мат в 2 хода» означает, что нужно за белых найти и сделать такой ход, который обеспечит черным мат при любом их ответе. Вот пример.

Автор задачи (кстати, бывший арчебековец) Александр Гришин из села Ермоловка предлагает объявить мат в два хода. Начинаем решать... После ряда других проб испытываем ход 1. Фа4. Годится? Посмотрим... При ответе 1... Кр:с3 даем мат — 2. Фb4X; при ответе 1... Крe3 даем мат — 2. Фf4X; при ответе 1... Крс1 даем мат — 2. Фс2X; при ответе 1... Крe1 даем мат — 2. Фd1X. Выходит, решили? Нет! У черных есть еще ответ — ход пешкой 1... b5, а при нем мат не дать. Это значит, что ход белых 1.Фа4 задачу не решает и нужно искать другой. И тут возникает мысль испробовать ход 1. Фb5. Делаем и проверяем: теперь при ответе 1... Кр:с3 — тоже 2.Фb4X; при 1... Крe3 2. Фd3X; при 1... Крс1 2.Сf4X; при 1... Крe1 2.Фе2X. Других ответов у черных нет, и потому — ура! Задача решена! Ее решает ход 1.Фb5! (В своем рапорте эти рассуждения писать не требуется).

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: a1, b2, b4, c3, f2, g1; черные: a5, a7, b6, e5, g5, h6.

Б. Белые: d4, e1, e3, f6, g5, h4; черные: b4, b6, d6, d8, e7, h8.

Цель разведки: и в А и в Б (автор обеих — Н. Торопов) выявить пути белых к победе.

Разъяснение обстановки: ты должен будешь провести белыми комбинацию (а если не знаешь, что такое шашечная комбинация, спроси в отдельном письме у шахмат-адмирала Ферзьбери).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 32, 33, 34, 36, 41; черные: 11, 12, 21, 24, 27.

Б. Белые: 29, 40, 48, 49, 50; черные: 28, 35, 38, 39.

Цель разведки: и в А (Р. Келлер) и в Б (В. Монсма) показать, как белые могут быстро победить.

Разъяснение обстановки. В МШ запись ходов цифровая. Всем темным полям присвоены номера от 1 до 50. Счет идет от верхнего левого поля (1) — т. е. оттуда, где стоят черные,— к нижнему правому (50) — т. е. туда, где стоят белые. В МШ действуют три правила, отличающиеся от правил в РШ, но в сегодняшних заданиях они применения не находят.

КИОСК «МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— На чем следует писать рапорт с ответами?

— На почтовой карточке или открытке. И посылать их, не вкладывая в конверт.

— Как разведчик узнает, верен ли его рапорт?

— Через «Бюро самопроверки» (начнет действовать в № 3). Письмом шахмат-адмирал будет отвечать только тем, кому необходима немедленная помощь.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Эта рубрика для тех, кто еще не умеет играть.

А. Узнай, как называются фигуры и как они ходят.

Б. Узнай, что такое шах, мат, пат.

В. Придумай и нарисуй позиции — с шахом, с матом, с патом. Сделав это, получишь 5 очков.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Каждому разведчику выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его и номер тура в левом верхнем углу рапорта.

§ 2. Рапорт по первому туру отправить в течение двух недель со дня получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

КАК КОЛИБРИ СПАСЛА ЧЕЛОВЕКА

СКАЗКА ИНДЕЙЦЕВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Один человек охотился в лесу далеко от своего дома. Спустилась ночь и застала его врасплох. Он боялся в темноте потерять тропу и лег спать там, где стоял, под каким-то деревом. Он и не знал, что шел по муравьиной тропе и улегся прямо под свисающим гнездом древесных муравьев.

Через некоторое время муравьи спросили:

— Человек, ты спишь?

— Нет, не сплю,— сразу ответил человек. Он понял, что, как только задремлет, муравьи нападут на него.

Муравьи притихли, а потом снова спросили:

— Человек, ты спишь?

— Нет-нет, не сплю,— ответил человек.

И так всю ночь муравьи задавали свой вопрос и получали все тот же ответ. Но на рассвете свирепые муравьи потеряли терпение и обрушились вниз вместе со своим гнездом.

Человек успел отскочить и побежал. А муравьи, преследуя его, рассыпались по земле, по всем тропам, здесь и там. Человек уже не знал, в какую сторону кинуться.

Вдруг откуда-то появилась крошечная птичка колибри и стала на бешеной скорости носиться над муравьиным войском взад и вперед, взад и вперед.

— Голову дайте мне! Голову мне! — пищала она.

Муравьи разозлились, остановились, посовещались и крикнули колибри в ответ:

— Глупая птица! Какой смысл требовать голову, когда мы еще не поймали его?!

А маленькая птичка колибри только этого и хотела,— муравьи замешкались, и человек тем временем успел убежать.

Пересказала Л. КОКОРИНА
Рисунок О. Филипенко

УГОЛОК ВЕСЁЛОГО ГРАВЕРА

Рисунки Ю. Беломлинской

Последний император Латинской империи (XIII век н. э., столица — Константинополь) Балдуин II свою подпись под документами ставил, по установленному для него ритуалу, ровно... сутки. В первый день он писал первую половину фамилии, во второй — вторую.

Молодая, а потому и бедная республика Эквадор после смерти поэта Хозе Ж. Ольмедо (ум. в 1847 году) решила увековечить память своего талантливого сына. Подсчитав сумму, которую они могут выделить на памятник, власти купили в Англии старую статую... лорда Байрона и установили ее в столице Кито. Впрочем, надпись на статуе говорила о заслугах Ольмедо.

Необычный судебный процесс состоялся в 1670 году в немецком городе Мюнстере. Городские власти потребовали изгнания из города... блох. Суд удовлетворил просьбу. Согласно приговору блохи должны были покинуть город на 10 лет.

ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

Оформление Т. Панкевич

Январь — году начало, зиме — середина. Холодное солнце замерло над лесом. Синеют на снегу длинные тени. Мороз лютует. Видно, не зря в старину январь называли — лютовей.

А снег пойдет — и мороз смягчится. В снегопад хорошо зайцу-беляку: глядишь, следы к лежке занесло...

А это что? На ветках — иней, в большом сугробе — отдушина. Это медведь дышит в «форточку». Спит он, как говорят охотники,— «на слуху». Одного только не слышит: как мыши лесные у него шерсть выстригают — для своих гнезд...

Лесной гость

Зимы у нас снежные. В городе люди расчищают дворы и улицы, а в лесу все укутано снегом. В эту пору голодно зверям, особенно тем, кто не залегает на зимнюю спячку. Может быть, поэтому жители улицы Чапаева на Выселках неожиданно встретились с молодым лосем. Лось забрел к жилью. Взрослые и ребята принесли ему солому, соль, хлеб. Лось поел и не торопился уходить. Но потом ушел в лес.

Дима Фролов,
Стерлитамак

Зеленый воробей

Птицы часто прилетают к нам на двор, где много кормушек. Однажды в стае воробьев мы с подругой Ларисой заметили зеленую птичку. Хотели посмотреть поближе, но один из серых воробьев чирикнул, и вся стая поднялась в воздух. Потом я еще несколько раз видела эту зеленую птичку вместе с воробьями. Зеленый воробей был с желтоватой головкой и слишком длинным для воробья хвостом... Меня удивило и то, как он близко подпускает к себе людей. Если бы не его серые друзья, мы бы его уже поймали... Но воробьи громким чириканьем предупреждали своего товарища об опасности.

Начало холодать. Однажды я увидела своего зеленого знакомого на перилах балкона. Я осторожно открыла окно, и птичка влетела в комнату. Зеленый воробей оказался волнистым попугайчиком. Он бы погиб зимой... У нас в квартире он быстро освоился. Но часто в его свисте нет-нет и слышно воробьиное чириканье.

Катя Щурова,
Донецк

Холодные зимовки

Кроме перелетных и оседлых птиц есть еще птицы КОЧУЮЩИЕ. Снегири, свиристели, поползни, синицы, дятлы, клесты, щуры, корольки, пищухи, пуночки всю зиму перелетают с места на место в поисках корма. Но где бы ни кочевали они, а к весне, как и перелетные, вернутся к своим гнездовьям.

Перелетные птицы зимуют на жарких зимовках — в Африке, в Индии, а вот оседлые и кочующие — на холодных. На их зимовках не теплынь и зелень, а холод и снег. Но они — приспособились. Оседлые — сойки, сороки, галки, вороны — зимой приближаются к жилью человека и собирают отбросы. Тетерева и рябчики клюют на деревьях сережки, а глухари хвою. Ночуют под снегом, как под пуховой периной. Кочующие приспособились и зимой находить еду: дятлы шишки долбят, синицы, поползни, корольки ловко обшаривают стволы и ветки, снегири и свиристели разыскивают ягоды рябины.

А когда сыт, то и мороз не так уж страшен. Сытому и на холодной зимовке тепло.

Н. СЛАДКОВ

Справочный отдел

Дорогой Дятел! Я выращиваю кактусы. У меня уже растут кактусы нескольких видов. Если можно, ответьте: как за ними лучше ухаживать и что нужно делать, чтобы кактусы зацвели?

Света Беляева,
поселок Красная Поляна Кировской области

Дорогая Света! Рост и цветенье кактусов зависят от ухода. Ведь мы искусственно создаем для них условия, в каких эти растения лучше всего чувствуют себя на родине. Почва для кактусов должна быть рыхлой, хорошо пропускать воздух и воду, не содержать органических удобрений. Лучше всего — смесь из листового перегноя, глинисто-дерновой земли и крупнозернистого речного песка с мелким щебнем. Зимой кактусы отдыхают. С ноября по февраль держи их в светлом, сухом месте при температуре 5—10°. За всю зимовку поливай 2—3 раза теплой, отстоянной водой. Но опрыскивай теплой водой раз в неделю. С началом весны поливай раз в пять дней. Если весной твои кактусы дали бутоны, не пересаживай их и не передвигай горшок по отношению к свету. Если твои кактусы зацветут, сфотографируй их на слайд и пришли нам в «Зеленые страницы».

СООБЩАЕМ,

что юннаты Дима Фролов, Тарас Лехман и Люда Степанова премируются книгами — за лучшие рассказы и стихи о природе.

Азбука цветовода

Ампельные — растения с ниспадающими стеблями, ползучими или свисающими побегами. Художник нарисовал традесканцию, пеларгонию, аспарагус, фуксию, колумнею. Это — ампельные. Высаживать их надо в подвесных сосудах — горшочках, вазах, корзиночках. Растения эти очень стойки к колебаниям температуры и хорошо переносят сухость и сквозняки.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Премии журнала «Костер», установленные ЦК ВЛКСМ за лучшие произведения, напечатанные в журнале в 1986 году,

ПРИСУЖДЕНЫ:

писательнице Марине МОСКВИНОЙ (Москва) за повесть «Пусть всем будет хорошо», опубликованную в №№ 10,11;

писательнице Тамаре ЧИНАРЕВОЙ (Хабаровск) за повесть «Как Пантюшкин телевизор искал», опубликованную в №№ 6—9;

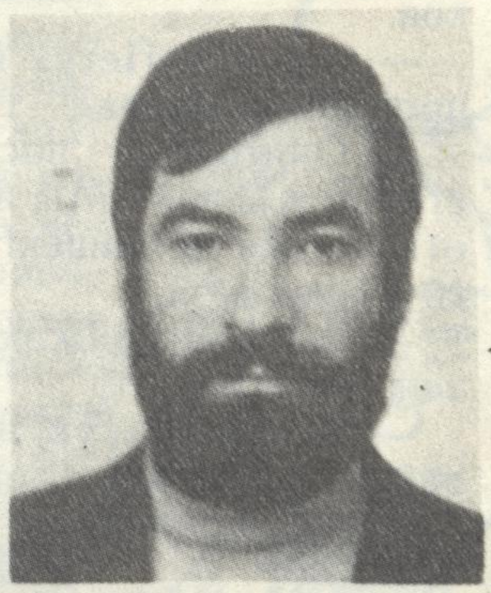
художнику Николаю КОТЛЯРЕВСКОМУ (Ленинград) за иллюстрации к «Викторине с рисунками» в 1986 году.

МОСКВИНА Марина Львовна. Родилась в Москве. После школы поступила в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Окончила факультет журналистики. Веселые рассказы Марины Москвиной печатаются в журналах «Мурзилка», «Колобок», «Пионер». «Костер» напечатал впервые рассказ писательницы в 1984 году — «Семь летучих пассажиров». «Пусть всем будет хорошо» — первая ее повесть.

ЧИНАРЕВА Тамара Федоровна. Живет в Хабаровске. Много работала в детской редакции Хабаровского радио. Собирая материалы для радиопередач, порой забиралась в глухие и отдаленные уголки Сибири и Дальнего Востока. Первую повесть Чинаревой «Костер» напечатал в 1982 году, она называлась «Однажды в Шишкино весной». Сейчас Тамара Чинарева — автор четырех книг для детей.

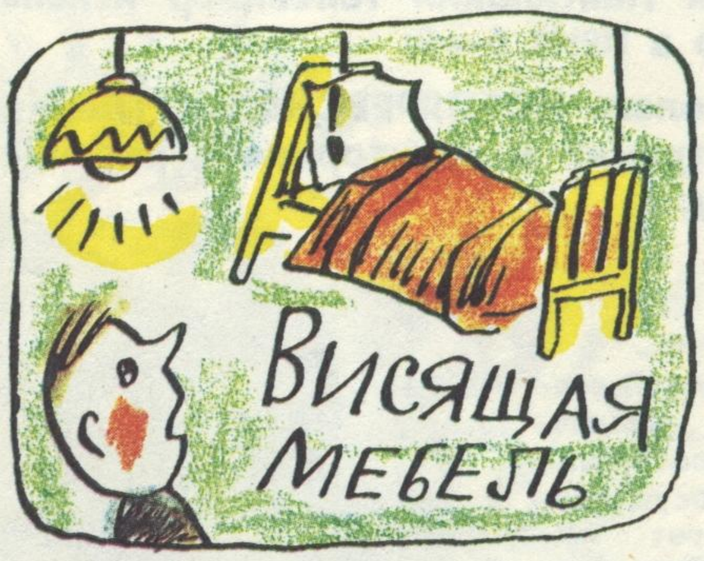
КОТЛЯРЕВСКИЙ Николай Романович. Живет в Ленинграде. Рисовать любил еще в детстве. Потому и поступил учиться в среднюю художественную школу при институте им. Репина. Первые рисунки для «Костра» художник сделал в 1980 году. Печатался в других детских журналах, иллюстрировал книги. Отыскав в «Костре» «Викторину», внимательно посмотрите на рисунки — они всегда яркие и интересные. Их и нарисовал художник Котляревский.

Весёлый звонок

Составил и оформил
Л. Каминский

Внимание! Конкурс „И все засмеялись!" продолжается!

На уроке русского языка мы писали сочинение «Моя комната». На следующем уроке Андрей по просьбе учительницы читал свое сочинение:

«Во всю длину комнаты растянулся шкаф. Потом идет диван. Над ним висит картина, моя кровать, письменный стол и потолок...»

И все засмеялись!

Максим Тарасов,
Свердловск

В класс влетел Сергей Петухов.

— А вот и Петух явился! — прокомментировал Телегин.

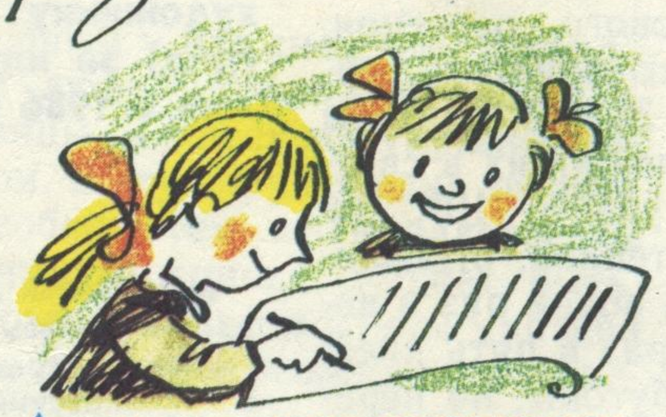
— Опять! — рассердилась староста Оля.— Мы же решили отказаться от кличек! Что, у него имени нет?

— А я и не обижаюсь,— сказал Петухов.

— А тебя, Петух, не спрашивают,— ответила Оля.

И все засмеялись!

Лена Колбасова,
с. Медведевка
Челябинской обл.

А все ли знают условия конкурса? Напоминаю:

1. Ваша короткая смешная история должна заканчиваться фразой «И все засмеялись!»

2. Рассказы можно посылать в течение всего года, так как конкурс постоянный.

3. Обязательно в письме укажите свое имя, фамилию, класс и домашний адрес.

4. Письмо посылайте по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская ул., 1/20, «Костер», Учителю смеха.

5. Победителям конкурса в конце года присуждаются призы — веселые книжки, а за удачные отрывки из школьных сочинений и ответы на уроках — специальные юмористические дипломы.

Некоторые ребята спрашивают: можно ли рассказы выдумывать, или обязательно брать историю из жизни? Конечно, можно сочинять. Но ведь жизнь иногда преподносит такие смешные случаи, какие и не придумаешь! Поэтому я вам советую: больше наблюдайте! А бывают и такие «авторы», которым лень и сочинять, и наблюдать. Они находят в журнале уже напечатанный рассказ, аккуратно его переписывают, а внизу ставят свою фамилию. Это уж просто нечестно! Итак, конкурс продолжается! Желаю успеха!

Ваш Учитель смеха

Это было в третьем классе. Один ученик читал отрывок из рассказа. Читал он торопливо, как будто куда-то спешил. А когда дошел до фразы «В комнату вошел старик с заспанными глазами», то вдруг прочел: «В комнату вошел старик с запасными глазами»!

И все засмеялись!

Шуля Лейнванд,
5 класс,
Рига

— Сегодня,— сказала Ольга Аркадьевна,— мы послушаем диалог двух друзей. Конечно, на английском языке. Беседовать у нас будут (она посмотрела в журнал) Васильев и Лапин.

К доске вышли Игорь и Миша.

Игорь посмотрел на Мишу и сказал:

— Гуд монинг!

— Гуд бай! — ответил радостно Лапин, и все засмеялись!

Наташа К.,
Горький

— Приведи пример предложения с обращением.

— Тамара Петровна, поставьте мне пятерку!

— Что такое «натюрморт»?

— Это когда нарисовано что-нибудь вкусное...

— Где экватор пересекает Южную Америку?

— Посередине Африки.

— Из чего состоит микроскоп?

— Из зеркала, штатива и микробов.

— Чем отличались древние люди от современных?

— Они не носили джинсы!

Прислали: ***Ира Виноградова*** *(Кемерово),* ***Гуля Хабибуллина*** *(Казань),* ***Наташа Миронова*** *(Горький),* ***Марина Мишенина*** *(село Спасское Приморского края),* ***Лена Карасева*** *(Конаково Калининской обл.).*

УРОК ТРУДА

Урок труда идет у нас.
Из пластилина лепит класс
Медведей, зайцев и собак.
А у меня опять никак,
Никак не получается!
Урок уже кончается...
Ко мне учитель подошел
И вдруг воскликнул:
— Хорошо!
Ребята, все смотрите,
Какой верблюд у Вити!
Ребята смотрят на меня,
Как будто видят чудо.
А я молчу. Ведь я коня
Лепил.
А не верблюда!

Леонид БУТЯКОВ

Объявление

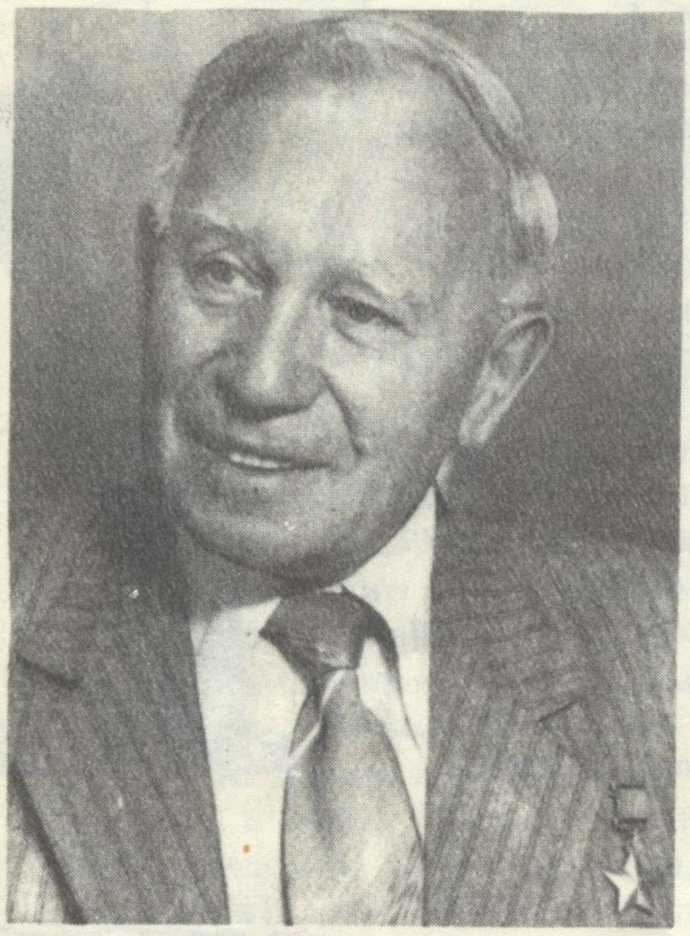
Меняю учебник физики. Мой экземпляр обладает рядом минусов и плюсов. Минусы такие: случайно оторвана обложка, учебник слегка повреждён проехавшим по нему велосипедом, две страницы сгорели во время опыта с нагреванием металла, к портрету Ньютона пририсована борода, и, кроме того, в свое время учебник попал в кастрюлю с борщом. Но есть и плюсы. Плюсы такие: из кастрюли учебник был вовремя вынут, поэтому не успел как следует развариться, портрет Ньютона дополнен не только бородой, но и падающим сверху яблоком (для наглядности), на задней обложке (которая сохранилась) записан текст песни «На недельку до второго», а на 77-й странице — телефон моего приятеля, с которым каждому будет интересно познакомиться.

Взамен учебника требуется роман А. Дюма «Три мушкетера» (можно без обложки).

Записал Виктор ВЕРИЖНИКОВ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Герой Советского Союза контр-адмирал в отставке Василий Иванович БЫКОВ

ДЫМ НАД ВОДОЙ

Было это в годы Великой Отечественной войны. Наш самолет-разведчик заметил в Баренцевом море караван фашистских кораблей. Больших транспортов летчик насчитал четыре, а кораблей охранения — тридцать! Значит, очень важный груз везут эти транспорты...

Уничтожить караван было приказано нашим торпедным катерам.

Летом на севере что было плохо в войну: что днем, что ночью — все одно — полярный день. Никуда не скроешься. А тут еще и погода как назло — хорошая. Даже туман ветром разнесло. Фашистские корабли конвоя почти сразу наши катера увидели и открыли огонь. Правда, сразу попасть не могут: скорость у торпедных катеров большая, почти девяносто километров в час. Но разрывы снарядов все ближе и ближе. Вот один катер, кажется, и накрыли — попали то есть... Этот катер шел первым и командовал им Василий Иванович Быков. Фашисты смотрят — дым из катера повалил густой. Хотя катер мчится и ходу не сбавляет.

...А это Быков приказал боцману зажечь на корме дымовые шашки. Шашки горят — даже пламя видно, а уж дыму — хватает. Стелется дым над водой непрерывной широкой полосой. В этот дым наши катера и отвернули. Спрятались от снарядов. Только Быкову не спрятаться — его катер все вперед мчится. Фашисты по нему стреляют, а катер мчится. Может, фашисты даже сначала так подумали: на русском катере всех перебило, он как сумасшедший сам по себе несется...

А Быкову и не надо прятаться, ему нужно как раз видеть: где транспорты, где миноносцы охранения. И где лучше нашим катерам из дыма выходить в атаку. По радио Быков и передает нашим. Катера из дыма — раз! — выскакивают, всаживают точно по две торпеды в фашиста и снова скрываются в дыму...

Наконец фашисты разобрались что к чему, поняли, что русский катер, который шел первым,— их обманул. Весь огонь фашисты перенесли на небольшой кораблик — торпедный катер Быкова. А тральщик, который был ближе других, стреляя из всех своих пушек и пулеметов, пошел на таран Быкова.

Но у Быкова — не забывайте! — скорость и маневр. Когда Быков увидел, что тральщик идет на таран, он застопорил один мотор, а другой пустил на самый полный. Катер круто повернул, и тут Быков выстрелил двумя торпедами прямо в борт тральщика! Одни обломки закачались на волнах...

Дорого обошелся фашистам дым над водой.

Олег ОРЛОВ
Фото Б. Гесселя

Человек несведущий, посмотрев на это, скажет: «Что это еще за «пляшущие человечки»? И не пляшущие, а машущие. Флажками. Моряк сразу «прочитает», что тут написано. Потому что это — флажный семафор.

Многие читатели просят нас выслать или напечатать флажный семафор. Пользоваться им нетрудно — только выучи положение рук с флажками. А уж в жизни флажный семафор обязательно пригодится...

А когда выучишь, легко прочитаешь и фразу, написанную флажным семафором: «ВМЕСТЕ С НАМИ ПО МОРЯМ».

КАК ЧЕЛОВЕК ОПУСТИЛСЯ ПОД ВОДУ

РАССКАЗ В КАРТИНКАХ

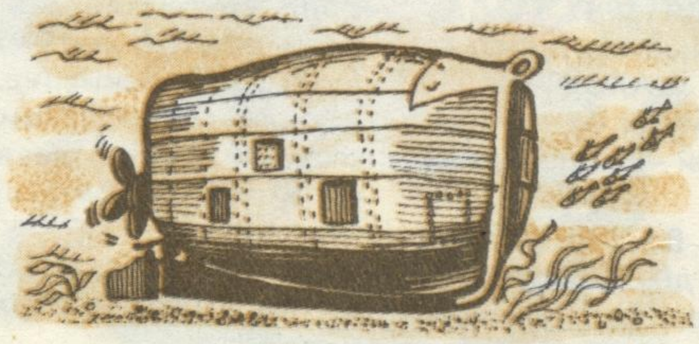
1. Однажды Александр Македонский, греческий полководец, решил посмотреть на чудеса подводного мира. Сделали для него хрустальную бочку, и полководец опустился в ней на дно моря.

Конечно, это легенда. Путь человека под воду был непростым и долгим.

2. Так пытались исследовать океан в прошлые века — вместо шлема надевали на голову бочонок или погружались под воду в большом деревянном колоколе. Но не глубже чем на тридцать метров.

3. Придумывали люди и подводные лодки. Но двести лет назад они были очень несовершенны, и люди в них часто погибали.

4. Глубже всех в начале нашего века сумел побывать под водой Вильям Биб. В круглом стальном шаре — батисфере он опустился на глубину 600 метров. Сквозь толстое стекло иллюминатора Биб увидел подлинные чудеса океана. Но батисфера была привязана канатом к кораблю. И человек только изнутри мог видеть то, что проплывало мимо.

5. Был стеснен канатом и шлангом для воздуха и водолаз.

6. Так что лет сто назад человек если и путешествовал свободно по дну океана, то разве что на страницах романов Жюля Верна.

Продолжение следует

ПОСМОТРИ И ПОДУМАЙ: ЧТО ЧЕМУ ПРИНАДЛЕЖИТ?

Ремонтировали однажды в доке пароход. Починили машину, заменили винт, покрасили блестящей краской.

— Готово! — говорят.— Плавайте на здоровье!

Подошли к доку буксиры, вытянули пароход на свободную воду.

Все радуются — пароход как новенький!

Капитан взялся за ручки машинного телеграфа: «Самый полный ход!»

Бух-бух-бух! — завертелся под водой винт, запенилась вода.

Только что это?! Буксиры врассыпную. Капитан за голову схватился. А пароход задним ходом, кормой вперед чуть не врезался в бетонную стену причала...

Пришлось снова пароход в док вести. Оказывается, когда рабочие винт заменяли, они поставили его наоборот — стал винт не толкать пароход вперед, а тянуть назад...

Вот какие рассеянные!

Случай этот был в действительности. А пароход назывался — «Нотомар».

Поздравительные открытки мы покупаем в магазине или в киоске «Союзпечать». А можно сделать открытку самим. И в этом маленьком подарке-сувенире, который твои друзья получат по почте, будет не просто поздравление — знак вежливости. Известно: во всякой вещи, сделанной твоими руками, остается частица тебя, твоей души, сердца.

Сегодня МАША-ИСКУСНИЦА ОБЪЯВЛЯЕТ НОВЫЙ КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ ПОЗДРАВИТЕЛЬНУЮ ОТКРЫТКУ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ ИЛИ К ЛЮБОМУ ПРАЗДНИКУ. Открытка может быть рисованная, с аппликацией из бумаги, ткани, соломки или другого природного материала, открытка-«раскладушка». Главное, она должна войти в почтовый конверт. На этот раз мы не рисуем образцы открыток, которые придумала Маша. Пусть твоя фантазия будет свободна.

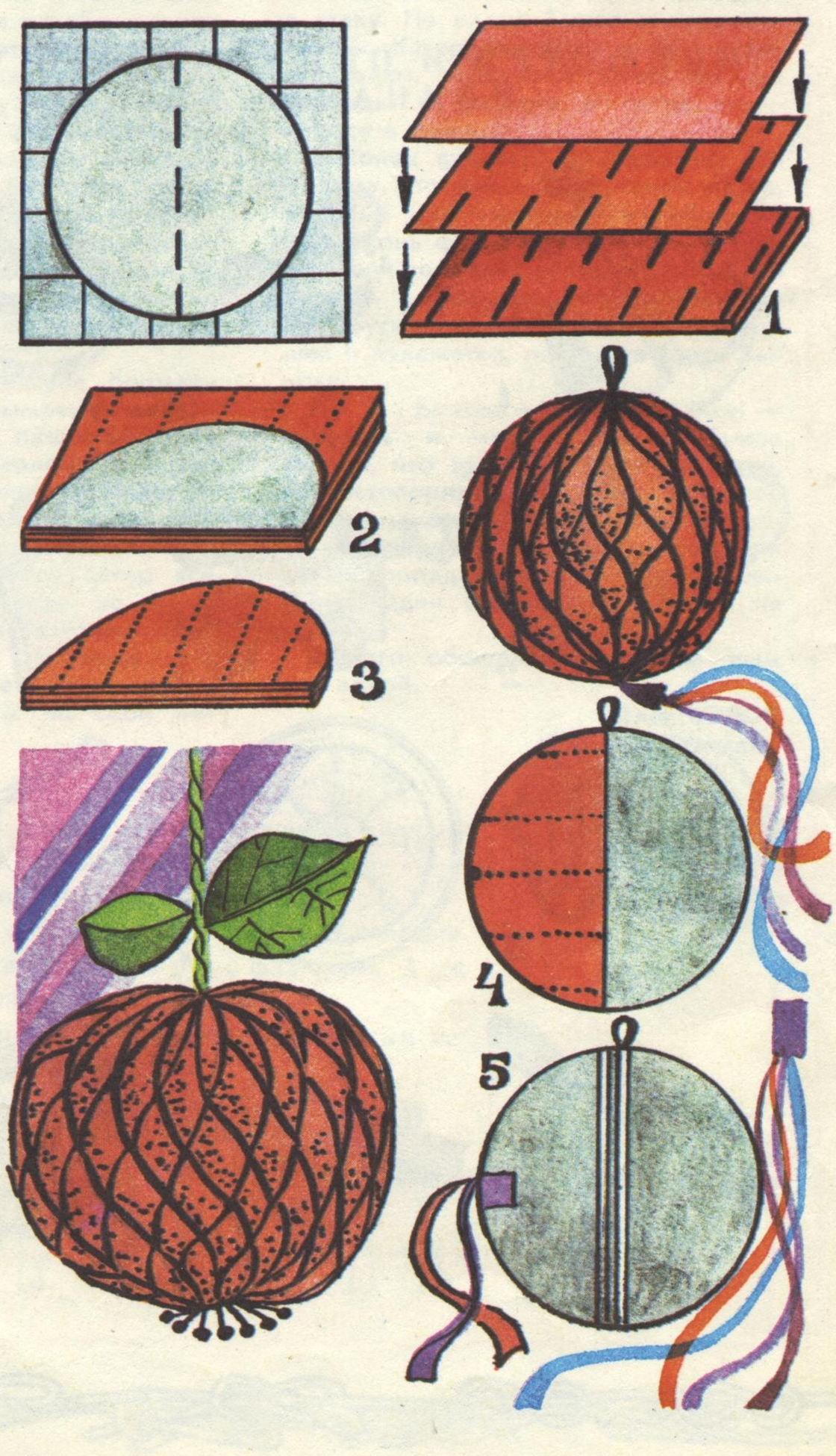
ЖЮРИ ПРИНИМАЕТ РАБОТЫ ДО ИЮЛЯ 1987 ГОДА. На конвертах сделай надпись: «Конкурс Маши-искусницы». ОБЯЗАТЕЛЬНО СООБЩИ СВОЕ ИМЯ, ФАМИЛИЮ И ДОМАШНИЙ АДРЕС. Лучшие работы будут отмечены грамотами, подарками, имена победителей — напечатаны в двенадцатом номере журнала.

Таких гномов ленинградский художник Виктор Васильевич Макурин любит дарить своим юным друзьям. А этого он дарит всем вам. Гном сделан из ватмана, цилиндр-туловище — склеено. Руки вставлены в прорези. Гном может послужить подарком, его можно повесить на елку, если он невелик, и поставить под елку, если он большой.

Лена Буйнова и Валя Олянская из Новосибирска пишут, что любят мастерить самоделки из бумаги. Они пытались открыть СЕКРЕТ изготовления ГОФРИРОВАННЫХ ФИГУР ИЗ ПАПИРОСНОЙ БУМАГИ, но что-то у них не получается. Я расскажу, как делаются эти фигуры. Работа несложная, но кропотливая.

Нужен тонкий картон и сорок листов папиросной бумаги (чем больше ее размер, тем эффектнее, декоративнее выйдут фигуры). По первому листу папиросной бумаги проведите тонкой кисточкой с клеем 5 линий. Поверх этого листа положите второй и проведите 4 линии в других местах. На третий лист нанесите снова 5 линий в тех же местах, что и на первом. (Рис. 1). Чередуя места склейки, таким образом проклейте 20 листов, а потом еще 20 листов. У вас две стопки проклеенной папиросной бумаги. Высушите их. А пока вырежьте два картонных круга. Один разрежьте на половинки. На краешке целого круга сделайте петельку из суровой нитки. Одну половинку круга положите на стопку склеенной бумаги, обведите карандашом (рис. 2) и вырежьте. Таких вырезок (из двух стопок) у нас две (рис. 3). Смазав клеем одну сторону вырезанной стопки, положите ее на картонный круг (рис. 4), а с другой стороны стопки наклейте картонную половинку, прикрепив к ней тесемочку. К оборотной стороне круга приклейте вторую стопку папиросной бумаги, а поверх нее — вторую половинку круга с тесемкой (рис. 5). Соединение половинок круга с основным кругом проклейте полосками бумаги. Потянув за тесемочки — раскройте шар, завяжите тесемки. В нижнюю часть шара можно вклеить пучок лент из папиросной бумаги или серпантина. Так же, как шар, делайте остальные подвесы. Их можно использовать для праздничного украшения в школе и дома.

Рисунки Т. Петуховой

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

КОНКУРС-87! КОНКУРС-87! КОНКУРС-87!

Внимание! Клуб «За семью печатями» объявляет свой традиционный конкурс любителей головоломок.

Условия прежние: после каждого задания стоит цифра — это количество очков, которое присуждается за правильный ответ. Срок присылки ответов — две недели со дня получения номера журнала.

Победителей и самых активных участников, как всегда, ждут призы и почетные грамоты клуба «За семью печатями».

Итак, вперед, любители головоломок!

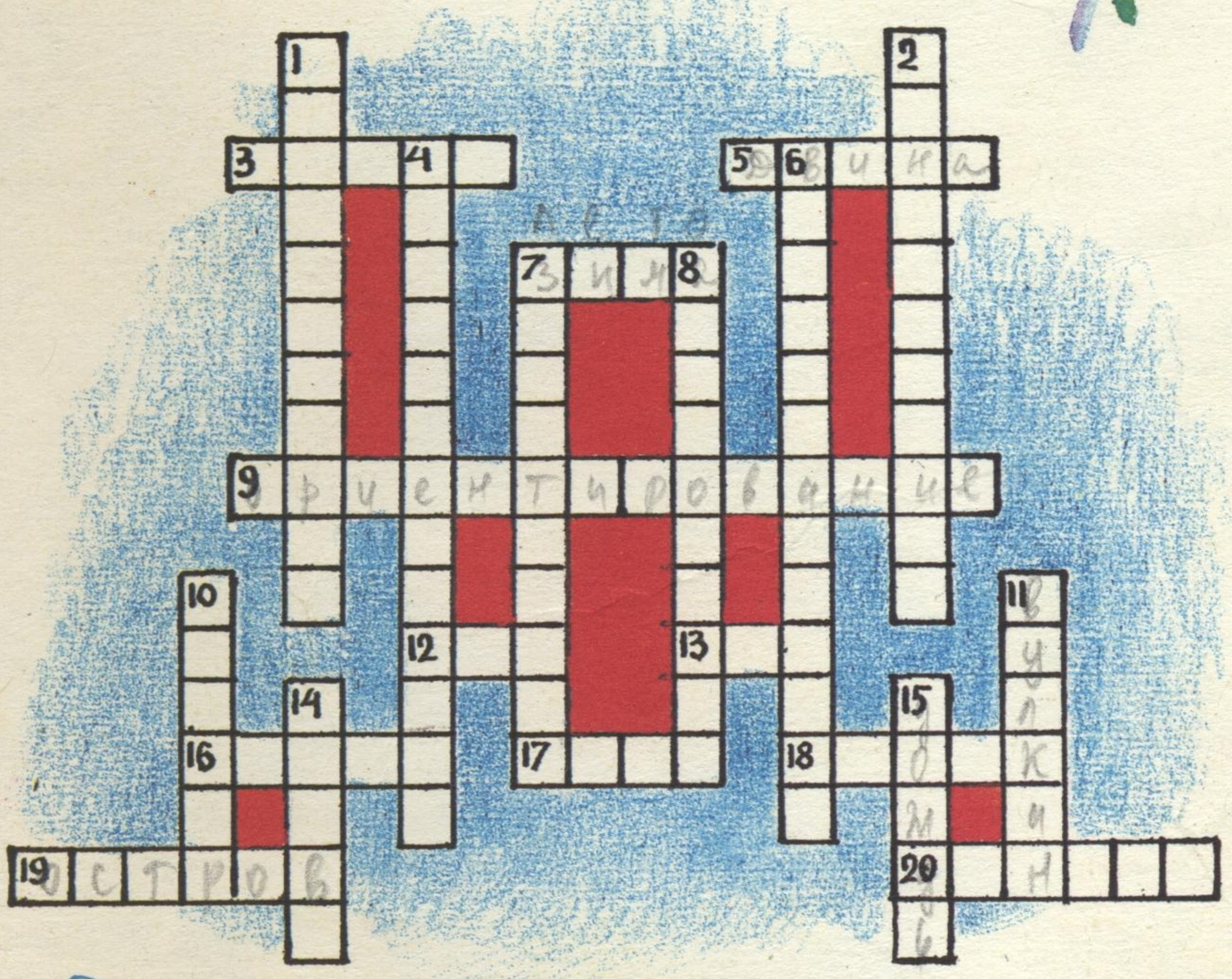

ПРОФЕССОР СИНИЦЫН ОХОТИТСЯ НА МЕДВЕДЯ

Однажды профессор Синицын охотился с фоторужьем на медведя. Сначала он находился в 50 метрах к югу от медведя, затем прошел 50 метров на восток, повернулся лицом к северу, прицелился и «выстрелил».

Теперь вопрос: какого цвета шкура этого медведя? (10 очков)

Оформление А. Януса

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Географический кроссворд Нади и Саши Ильиных из п. Заречный Свердловской области.

По горизонтали: 3. Населенный пункт в Коми АССР на р. Печоре. 5. Река в Архангельской области. 7. Время года. 9. Умение определять на местности стороны горизонта. 12. Город в Грузии. 13. Река в Казахстане. 16. Приподнятый по разломам участок земной коры. 17. Населенный пункт в Алтайском крае. 18. Населенный пункт в Днепропетровской области. 19. Участок суши, окруженный со всех сторон водой. 20. Песчаные и галечные равнины у окраин древних ледников.

По вертикали: 1. Равнина, приподнятая над уровнем моря более чем на 500 метров. 2. Населенный пункт в Минской области. 4. Равнинный участок суши высотой над уровнем моря до 500 метров. 6. Искусственный водоем. 7. Населенный пункт в Курской области. 8. Населенный пункт на реке Риони. 10. Прибор для определения направления ветра. 11. Гора с углублением на вершине. 14. Гора в Японии. 15. Атмосферное явление.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12, 1986 г.

СКОЛЬКО СТРЕЛ?

100 очков можно набрать 6 стрелами, послав их в 17, 17, 17, 17, 16, 16.

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

1. Сейм. 2. Омск. 3. Осло. 4. Клин. 5. Иран. 6. Неро. 7. Арму. 8. Оксу. 9. Корк. 10. Роан.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША **Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА** **Корректор Д. Г. ЛАЗДАН**

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

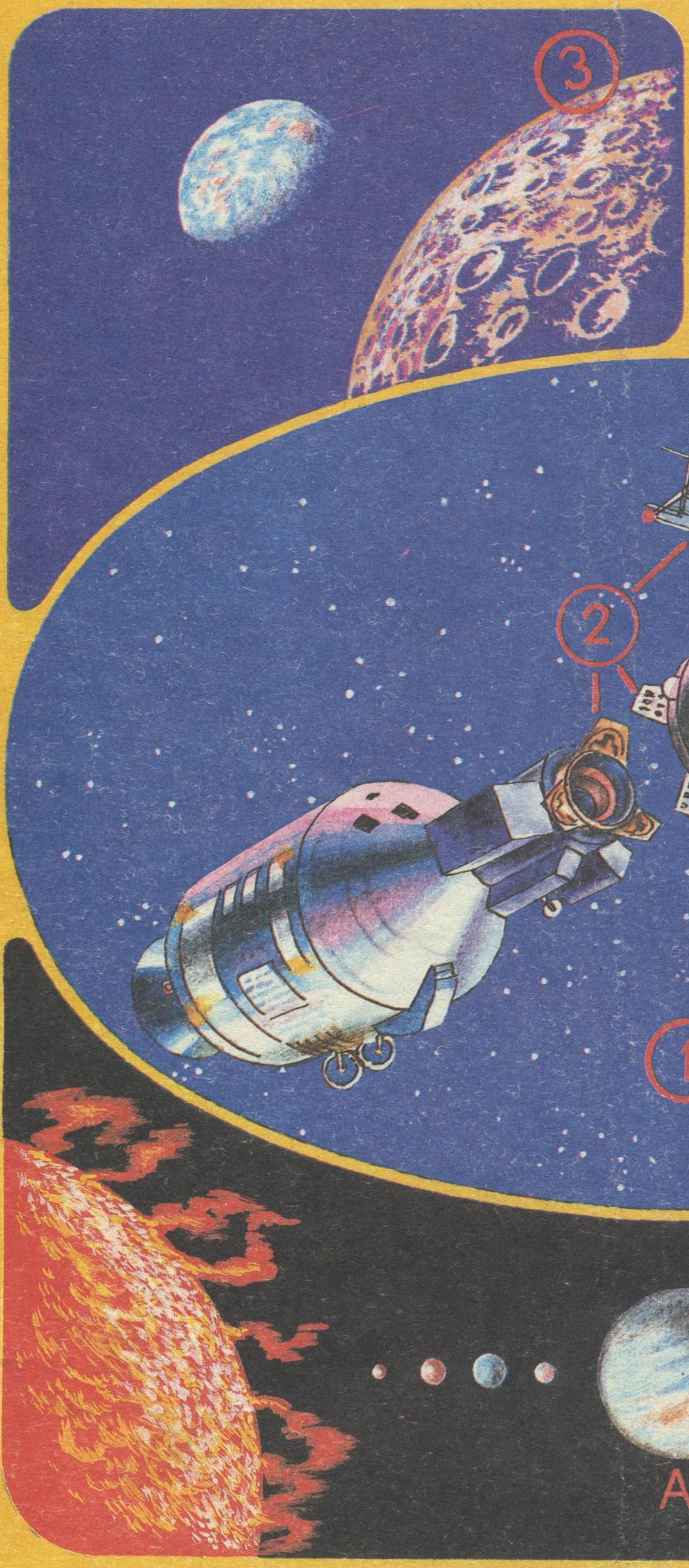
М-26631. Сдано в набор 05.09.86. Подписано к печати 24.11.86. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,1. Печать офсетная. Тираж 1 150 000 экз. (1-й завод 1—600 000, 2-й завод 600 001—1 150 000). Заказ 1603. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

36/3-130

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

30 к.
Индекс 70445

1. *В космосе советский и американский космические корабли. Как они назывались? Год полета?*
2. *Как называются эти части корабля?*
3. *Пейзаж какой планеты изображен на рисунке?*
4. *На рисунке фантастическое существо из романа Уэллса. С какой планеты прилетело оно на Землю?*
5. *Назовите планеты А, Б и В.*

Ответы пришлите по адресу:
193024, Ленинград, ул. Мытнинская 1/20. Редакция журнала «Костер» — «Викторина»
Победители будут награждены подарками